

Чѣмъ и какъ мы жили въ дни освободительнаго движенія.

(Изъ дневника обывателя г. Омска),

ТОМСКЪ.
Типографія Пріюта и Дома Трудолюбія
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У французовъ была „великая революція,“ у англичанъ—„славная,“ а у насъ—„гнусная“. „Исторія,“ говоритъ Л. Алмазовъ*) „не знаетъ еще примѣра болѣе отвратительной смѣси жестокости и подлости, кровожадности и жульничества, звѣрства и низости, крови и грязи, чѣмъ наша революція. Подлая убійства изъ за угла, мас совыя звѣрскія убійства совершенно непричастныхъ къ политикѣ мирныхъ людей, въ томъ числѣ женщинъ и даже дѣтей,—вотъ тѣ основанія, на которыхъ зиждилась русская революція. Въ дѣлѣ низости, подлости, предательства, лжи, обмана и подлога наши революціонеры не имѣютъ себѣ равныхъ въ прошломъ и едва-ли будутъ превзойдены въ будущемъ“. Нашей гнусной революціи и я посвятилъ нѣсколько печатныхъ листовъ. Районъ моихъ наблюденій—это гор. Омскъ. Съ 5 февраля 1904 г. до 27 февраля 1907 г., т. е. въ теченіе слишкомъ

*) „Наша революція“. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1908 .

двухъ лѣтъ, я вель дневникъ. Къ сожа-
лѣнію, записи мои отрывочны и не мо-
гутъ дать полной картины пережитаго
обывателями гор. Омска великаго бѣд-
ствія; можетъ быть, онѣ отличаются въ
нѣкоторыхъ случаяхъ даже неточностью,
такъ-какъ одному человѣку трудно было
услѣдить за всѣмъ движеніемъ. Поэтому-
то я и обѣщаюсь ко всѣмъ лицамъ, по
тѣмъ или инымъ причинамъ соприкаса-
вшимся болѣе или менѣе близко съ ре-
волюціоннымъ движеніемъ, придти ко
мнѣ на помощь своими указаніями, а
главное—поправками. Въ этомъ случаѣ
я особенно надѣюсь на г.г. Пищикова,
Столярскаго**), Вереденко, Чудовскаго,
Шостака, Сіязова, Кориѣва, Поварен-
ныхъ, Дзюбинскаго, Кабалкиныхъ, Букей-
ханова, Акпаева и ихъ сотоварищей. За
сдѣланныя поправки буду всѣмъ пре-
многа благодаренъ.

**) Какъ одного изъ виднѣйшихъ участниковъ
„родительскихъ собраній“.

Чѣмъ и какъ мы жили въ дни освободительнаго движенія.

(Изъ дневника обывателя г. Омска).

Чѣмъ и какъ мы жили 5 февраля 1904 г.—
Въ 12 часовъ дня, по желанію рабочихъ
мастерскихъ на станціи „Омскъ“, торжест-
венно былъ отслуженъ молебенъ по
случаю начала военныхъ дѣйствій. Въ
сборный цехъ принесли изъ остальныхъ
цеховъ иконы и поставили на заранѣе
приготовленномъ у стѣны длинномъ столѣ,
обшитомъ матеріей. Стѣна, на которую
опирались иконы, была красиво задрапи-
рована. Огромнаго размѣра національные
флаги развивались надъ иконами. Высота
зданія, рядъ иконъ, художественно напи-
санныхъ, и прекрасное убранство,—все
это производило сильное и грандіозное
впечатлѣніе. Остановились рабочіе стан-
ки... Оглушительный стукъ и лязгъ же-
лѣза, глухое шипѣніе ремней вдругъ
смѣнила ничѣмъ ненарушаемая тишина,
и массы рабочихъ устремились къ мѣ-

сту богослуженія во главѣ съ администраціей. Настоятель церкви о. Акиндинъ Правдинъ произнесъ простую по изложенію рѣчь. Кончился молебенъ; произнесено многолѣтіе; народъ приложился къ Кресту, и пѣвчіе подъ аккомпаниментъ желѣзно-дорожнаго оркестра, запѣли: „Боже, Царя храни!“ Разлетѣлось громкое „ура“ тысячной толпы. Опять гимнъ и опять „ура“ и такъ до трехъ разъ. Затѣмъ оркестръ исполнилъ: „Коль славенъ“ и „Славься“

А въ это время ползали по темнымъ угламъ и закоулкамъ и копошились въ логовищахъ своихъ змѣи и разные гады: отвратительны и страшны были ихъ логовища, наполненные злобнымъ шипѣніемъ и ненавистью ко всему окружающему. Гады боялись еще показаться открыто, но готовились уже къ великому разрушенію. Простой, добродушный рабочій народъ не думалъ тогда, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ послушнымъ орудіемъ тѣхъ же темныхъ силъ, этихъ исчадіи ада, порожденій ехидны.

7 февраля.—ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 7 февраля Сибирская желѣзная дорога,

въ предѣлахъ полосы отчужденія, объявлена на военномъ положеніи, съ предоставленіемъ степному генераль-губернатору по званію командующаго войсками Сибирскаго военного округа правъ командующаго арміей.

14 февраля.—Около 12-ти часовъ дня ученики Омской гимназіи, движимые патриотическимъ чувствомъ, устроили торжественное шествіе съ портретомъ Государя Императора, національными флагами, пѣніемъ народнаго гимна и восторженными криками „ура“. Я не видѣлъ, къ сожалѣнію, этой манифестаціи.

15 февраля.—По Степному Генераль-Губернаторству отданъ генераль-лейтенантомъ Сухотинымъ слѣдующій приказъ:

„ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ Дѣлъ, въ 13 день сего февраля ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ на предоставленіе миѣ на время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ: 1) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушеній общественнаго порядка и государ-

ственной безопасности и устанавливать за нарушение сихъ постановленийъ взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ 500 рублей; 2) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніи изданныхъ мною обязательныхъ постановленийъ, съ присвоеніемъ мнѣ права уполномочивать подчиненныхъ мнѣ губернаторовъ на разрѣшеніе э. ихъ дѣлъ; 3) воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или же предѣлахъ всей подвѣдомственной мнѣ территоріи; 4) передавать дѣла о возстаніи и вооруженномъ сопротивленіи властямъ на разсмотрѣніе военного суда, для сужденія обвиняемыхъ по законамъ военного времени, съ тѣмъ, чтобы лицамъ симъ, коль скоро означенныя преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на таковое, нанесеніемъ увѣчій, ранъ и тяжкихъ побоевъ, или поджогами, опредѣлялось наказаніе, предусмотрѣнное статьею 279 воинскаго устава о наказаніяхъ“.

Очевидно, правительство чувствовало уже дѣятельность подпольныхъ гадовъ, хотя они копошились еще въ своихъ норахъ.

15 февраля.—Въ 10 часовъ утра я былъ свидѣтелемъ въ высокой степени поражающей картины, изображавшей собою патріотическую манифестацію, въ которой принимали участіе учащіеся Омской женской гимназіи и прогимназіи, городского пятикласснаго училища, Омскаго Императорскаго Александра III низшаго механико-техническаго училища, центральной фельдшерской школы, приходскихъ училищъ и дѣти убѣжища и Ольгинскаго пріюта. Вся эта масса дѣтей правильными колоннами была построена на площади, вблизи Ильинской церкви, имѣя флаги, значки и портреты Государя Императора. На значкахъ были надписи: „Боже, Царя храни“. „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и „НИКОЛАЙ II“. Во главѣ колоннъ стояли учащіе. По окончаніи молебна, дѣти вздвоенными рядами, сопровождаемая огромною толпою народа, направились къ дому степнаго генераль-губернатора. Здѣсь юные манифестанты съ особеннымъ энтузіазмомъ пропѣли народный гимнъ и „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Учащихся сопровождалъ военный оркестръ музыки. Послѣ первыхъ же звуковъ гимна „Боже, Царя храни!“

появился начальникъ Степнаго края Н. Н. Сухотинъ и сказалъ приблизительно слѣдующее: „Милыя дѣти! благодарю васъ за тѣ высокія патріотическія чувства, которыя теплятся въ вашихъ юныхъ сердцахъ. Старайтесь учиться; услуга ваша потребуется государству въ будущемъ“. Обращаясь къ учащимъ, генераль-губернаторъ благодарилъ ихъ за то, что они такъ прекрасно сумѣли развить въ учащихся духъ патріотизма“. Рѣчь начальника края была покрыта русскимъ „ура“, долго не смолкавшимъ въ воздухѣ. Отъ дома Н. Н. Сухотина восторженные манифестанты, подъ звуки оркестра, направились къ зданію Сибирскаго кадетскаго корпуса и здѣсь пропѣли „Боже, Царя храни!“ На звуки гимна длинною вереницею изъ внутреннихъ покоевъ начали выбѣгать кадеты и огласили воздухъ могучимъ „ура!“ Восторгъ дѣтей въ эти минуты былъ настолько великъ, что не поддается описанію моего слабаго пера: для этого нуженъ, конечно, художественный талантъ. Отъ кадетскаго корпуса манифестанты отправились въ крѣпость, гдѣ прошли мимо квартиръ помощника командующаго войсками Сибирскаго военнаго округа генераль-лей-

тенанта Зарубаева и начальника артиллеріи округа Герарди, которыхъ, къ сожалѣнію, не было въ это время дома. Изъ крѣпости учащіеся направились къ квартирѣ военнаго губернатора Акмолинской области—Романова, который не замедлилъ къ нимъ выйти, при чемъ благодарилъ ихъ за добрыя чувства и въ заключеніе сказалъ: „за Царя—батюшку ура!“ которое было подхвачено тысячною толпою учащихся. Отъ губернаторскаго дома манифестанты направились къ дому преосвященнаго Михаила, епископа Омскаго и Семипалатинскаго. Здѣсь они прежде всего пропѣли „Спаси, Господи, люди твоя!“ а затѣмъ народный гимнъ. Владыка не замедлилъ выйти на крыльцо, сказалъ прочувствованную рѣчь и многихъ дѣтей поцѣловалъ. Отсюда манифестанты разошлись по домамъ.

А между тѣмъ по темнымъ угламъ и закоулкамъ ползали и копошились въ логовищахъ своихъ тѣ же змѣи и гады и злобное шипѣніе ихъ достигало уже слуха простого обывателя, но учащіеся гор. Омска еще не знали, что черезъ нѣкоторый промежутокъ времени они, въ массѣ своей, какъ и рабочіе, будутъ

послушнымъ орудіемъ этихъ темныхъ силъ...

9 марта 1905 г. Прошелъ почти годъ. Змѣи и гады выползли изъ подземелій своихъ; забрались они въ редакціи газетъ и журналовъ, въ школы, въ разныя частныя и общественныя учрежденія, въ магазины и лавки и всюду разливали отраву. Рѣдкіе могли устоять противъ стального холоднаго взгляда пресмыкающихся, падали передъ ними ницъ и дѣлались ихъ добычею.

Словомъ, началось революціонное движеніе, захватывавшее все большее количество жертвъ. Лилась уже кровь...

30 марта.—Редакторы, издатели и сотрудники томскимъ періодическихъ изданій—„Сибирскаго Вѣстника“, Сибирской Жизни“, „Сибирскаго Наблюдателя“ и „Горныхъ Извѣстій“, обсудивъ нужды сибирской печати въ засѣданіи 27 февраля, пришли къ слѣдующему заключенію:

1. Необходима полная и безусловная отмѣна предварительной цензуры во всѣхъ ея видахъ.

2. Необходима полная и безусловная отмѣна системы административныхъ взысканій, налагаемыхъ органами правительственной власти на періодическую печать.

3. Необходима полная свобода обсужденія вопросовъ общественной и государственной жизни.

4. Преступленія печати должны подлежать суду присяжныхъ на точномъ основаніи закона.

5. Необходимо установленіе явочнаго порядка открытія изданій, на какомъ бы языкѣ они не издавались, съ отмѣной всякой регламентаціи условій изданія.

6. Нижеслѣдующія мѣры необходимо установить немедленно, не дожидаясь изданія новаго закона о печати: а) уравненіе подцензурныхъ провинціальныхъ изданій съ безцензурными столичными, нѣкоторыми такими же провинціальными; б) отмѣна всѣхъ временныхъ правилъ и ограничительныхъ циркуляровъ, послѣдовавшихъ послѣ изданія закона о печати 1865 г. и в) допущеніе полной свободы обсужденія всѣхъ вопросовъ общественной и государственной жизни.

Редакція издающейся въ Омскѣ газеты „Степной Край“, раздѣляя мнѣніе своихъ собратьевъ по перу, присоединила къ этому мнѣнію свой голосъ.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько далеко не лестныхъ, впрочемъ, словъ о редакторѣ-издателѣ „Степнаго края“ г. Усовѣ. Иванъ Николаевичъ Усовъ... Кто не знаетъ его въ Омскѣ? Когда-то мелкій акцизный чиновникъ и шарманщикъ, теперь онъ руководитель общественнаго мнѣнія... Правда, г. Усовъ ходилъ не съ шарманкою, а ѣздилъ по селамъ съ граммофономъ; но развѣ далеко ушелъ „граммофонщикъ“ отъ „шарманщика?“ Человѣкъ, слабый физически, обладающій весьма скудными умственными способностями, почти совершенно лишенный памяти; человѣкъ, надѣвавшій, по неспособности разобратъся, жилетку вмѣсто фрака или фракъ вверхъ фалдами, — онъ первый сдѣлался добычею революціонныхъ гадовъ, доведшихъ его до тюрьмы и затѣмъ до могилы.

24 сентября.— Съ 22 сентября въ Омской учительской семинаріи идутъ безпорядки. Сегодня ученикъ Кайгородцевъ сказалъ наставнику Рысину, что онъ

„бездарность!“ Слѣдуетъ отмѣтить, что Рысинъ окончилъ университетъ и сельско-хозяйственный институтъ, а цѣнитель его знаній—Кайгородцевъ, кажется, городское, а можетъ быть даже сельское училище. Нужно же дойти до такой грубости, безтактности и нахальства! Педагогическій совѣтъ семинаріи постановилъ исключить Кайгородцева.

25 сентября.—„Возмущенные несправедливостью педагогическаго совѣта“, воспитанники Омской учительской семинаріи потребовали отмѣны постановленія совѣта объ увольненіи Кайгородцева, „достойно и праведно, видите ли, преподавшаго Рысину урокъ“. Директоръ пригрозилъ закрытіемъ семинаріи. Тогда воспитанники надѣлали дерзостей уже директору, Второе засѣданіе педагогическаго совѣта постановило: „подтверждая предыдущее рѣшеніе, предложить сочувствующимъ Кайгородцеву воспитанникамъ подать прошеніе о выходѣ изъ семинаріи“. 14 человѣкъ исполнили это требованіе немедленно, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще трое.

Такъ начали дѣйствовать пробравшіеся въ школу змѣи и гады, выползшіе

изъ темныхъ своихъ щелей и норъ и сразу поглотившіе 17 юношей.

27 сентября.—Исключенные изъ Омской учительской семинаріи воспитанники подали въ мѣстную городскую думу жалобу на „произволь“ директора и членовъ педагогическаго совѣта, рѣшившихся „лишить общество 17-ти полезныхъ работниковъ,“ будущихъ труженниковъ на нивѣ народной.

17 октября.—Опубликованъ ВЫСОЧАЙШІЙ манифестъ о свободахъ.

„Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрно-подданнымъ:

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великой и тяжелой скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно связано съ благомъ народнымъ и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроение народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей. Великій обѣтъ царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекраще-

нію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ, преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства. На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполнение Нашей воли: 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ; 2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участию въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному порядку, и 3) установить, какъ не-

зыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей. Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной и помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напредъ всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ“.

19 октября. Впереди революціоннаго движенія, какъ и всюду въ Россіи, шли въ Омскѣ учащіеся съ тремя—четырьмя учителями во главѣ, затѣмъ человекъ десять, вообразившихъ себя политическими дѣятелями чиновниковъ изъ отдѣленія государственнаго банка, гдѣ имъ, по видимому, покровительствовалъ управляющій, казенной палаты и акцизнаго управленія, нѣсколько приказчиковъ и разнаго рода и вида хулигановъ. Соединившись вмѣстѣ, омскіе революціонеры примкнули къ Сибирскому союзу соціалъ-демократической рабочей партіи, образовавшей Омскій комитетъ

долгое время наводнявшій городъ массою прокламацій о ниспроверженіи существующаго государственнаго строя и учрежденіи республиканскаго образа правленія. Комитетъ имѣлъ собственную, довольно значительную, типографію, которая работала около года и выпустила свыше пятидесяти номеровъ прокламацій. До 17 октября революціонеры дѣйствовали еще съ нѣкоторою опаскою; манифестъ же 17 октября развязалъ всѣмъ руки. Быстро заговорили о республикѣ. Центральный комитетъ социаль-демократической рабочей партіи отдалъ приказъ арестовать генераль-губернатора Сухотина и губернатора Романова, захватить въ свои руки почту и телеграфъ и образовать „Омскую временную республику“. Сегодня была первая и послѣдняя попытка привести эту нелѣпую мысль въ исполненіе. Вышло все до невозможности глупо. Учащіеся—гимназисты и гимназистки, а также воспитанники технического училища, фельдшерской школы и учительской семинаріи, заранѣе подготовленные, демонстративно отправились около 11-ти часовъ утра къ дому генераль-губернатора; по пути къ нимъ присоединились толпы любопытныхъ и зѣ-

вакъ. Демонстранты были съ красными флагами, нѣкоторые съ красными перевязками на рукахъ и въ красныхъ шарфахъ; двѣ-три дамы, обвѣшанныя красными лоскутьями, напоминали собою крестьянскихъ свадебныхъ лошадей; пѣли, конечно, революціонныя пѣсни. Слышалось требованіе, чтобы генераль-губернаторъ снялъ національный флагъ и поднялъ красный. Кто-то сдѣлалъ попытку забраться по водосточной трубѣ, чтобы снять съ дома генераль-губернатора національный флагъ, но успѣха не имѣлъ. Разбивши у параднаго крыльца фонари и неудачно бросивши въ генераль-губернатора, вышедшаго къ толпѣ, нѣсколько камней, демонстранты двинулись къ почтовой и телеграфной конторамъ и стали требовать передачи телеграфа въ распоряженіе народныхъ представителей. Говорятъ, наиболѣе энергично дѣйствовала г. Дзюбинская *). Но... тутъ появились казаки, а потому дѣло ограничи-

*) Было бы весьма желательно дѣятельность г. Дзюбинской, выбывшей впоследствии изъ Омска, опредѣлить болѣе или менѣе точно. Въ этомъ случаѣ я обращаюсь, какъ къ самой г. Дзюбинской, играющей въ дневникѣ моемъ довольно значительную роль, такъ и къ г. Дзюбинскому. Правда—дороже всего!

лось только нанесеніемъ личныхъ оскорбленій нѣкоторымъ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ, не признавшимъ Омской демократической республики, и выбитіемъ стеколъ. Въ казаковъ полетѣли камни, а въ отвѣтъ кое-гдѣ стали вздыматься нагайки. Говорятъ, какой-то солдатъ—саперъ несъ красный флагъ и когда ему приказали было бросить этотъ красный флагъ, онъ вступилъ въ борьбу съ казаками и получилъ серьезныя раны. Отъ телеграфной конторы демонстранты отправились къ зданію полиціи.—„Долой полицію!“ ...

Здѣсь произнесено было нѣсколько рѣчей по адресу бюрократическо-полицейскаго строя въ Россіи и здѣсь же преподаватель женской гимназіи Шостакъ ударилъ по лицу полицейскаго, который зашатался и упалъ.. Протоколъ объ этомъ происшествіи переданъ мировому судѣ 2 участка гор. Омска. Вечеромъ въ зданіи Омскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества была довольно значительная сходка, на которой обсуждалось „поведеніе“ казаковъ, допустившихъ „кровавую расправу“ съ невинными дѣтьми“, хотя ни кто изъ этихъ „дѣтей“ болѣе или ме

нѣе серьезно не пострадалъ; казаковъ же, получившихъ пораненія и ушибы, было около 30-ти.

20 октября. Согласно съ постановленіемъ рабочихъ, состоявшимся 19 числа, первый народный митингъ долженъ былъ происходить 20 числа на Казачьей площади. Стояло прекрасное холодное утро, когда горожане стали стекаться на митингъ. Солдаты безъ ружей, но съ боевыми патронами окружали дворецъ *), во дворѣ котораго были сложены ружья. Полиція отсутствовала. Митингъ начался въ 10 часовъ. Собралось нѣсколько тысячъ публики самаго разнороднаго состава. Въ числѣ первыхъ явились на площадь желѣзнодорожные рабочіе съ темно-краснымъ знаменемъ социаль-демократической партіи, пѣвшіе „марсельезу“. Они уже стали послушнымъ орудіемъ темныхъ силъ, разлившихся по странѣ. Масса публики столпилась у ограды Никольской церкви. Куча дровъ на углу ограды и въ особенности крыша здѣсь же находящаго ретирата служили трибуной для „ораторовъ“ не только изъ мужчинъ, но

*) Домъ генераль-губернатора.

и женщинъ. Я видѣлъ на крышѣ жену депутата Государств. Думы 3-го созыва г. Дзюбинскую. Предсѣдателемъ выбрали начальника отдѣленія Омской казенной палаты В. И. Пищикова; онъ же былъ „главнымъ ораторомъ“ партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Ему при жизни еще предполагалось воздвигнуть монументъ: на огромномъ пьедесталѣ стоитъ огромнѣйшій Пищиковъ и презрительно смотритъ на склонившихся у ногъ его Демосѣена и Цицерона. Прочли манифестъ, кратко пояснили его, сообщили о результатахъ сходки въ Географическомъ Отдѣлѣ, гдѣ 19 числа вечеромъ члены просвѣтительныхъ и другихъ обществъ города выразили свое отношеніе къ казачьей расправѣ у почтамта и полиціи. Резолюціи были одобрены. Затѣмъ начались рѣчи о неотложныхъ требованіяхъ момента; рѣчи о томъ что, именно, необходимо дѣлать въ данный моментъ. Отъ имени рабочей партіи долго и горячо ораторствовалъ какой-то молодой человекъ, увѣрявшій слушателей, что десять тысячъ гражданъ готовы съ оружіемъ въ рукахъ устранить администрацію города, съ цѣлью захватить власть въ интересахъ требо-

ваній партіи соціалъ-демократовъ. Ора-торъ обрушился на либераловъ, убѣж-далъ не вѣрять имъ, настаивалъ на не-возможности даже временнаго сближенія партій. Къ нему присоединился одинъ изъ студентовъ, который, причисливъ себя къ соціалъ-демократической партіи, предложилъ собравшимся итти на вок-залъ и уничтожить тамъ все до тла. Тщетно пытались возражать этимъ ора-торамъ другіе члены той же партіи, а также соціалисты-революціонеры и ли-бералы, получившіе возможность выска-заться только тогда, когда, надоѣвъ слушателямъ и убѣдившись въ ихъ несо-чувствии, горячіе молодые люди съ нѣ-которою частью своихъ товарищей уда-лились за церковь. Занимавшіе трибуну, т. е. крышу сортира, либералы и соціа-листы выяснили далѣе, что въ данное время всѣ партіи прогресса могутъ и должны дѣйствовать за одно, сойдясь на требованіи прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія и учредительнаго собранія. Эти рѣчи на время прерваны были болтовней какого-то безрукаго сол-дата, говорившаго о нуждахъ солдатъ. Митингъ закончился объявленіемъ, что въ тотъ же день вечеромъ будутъ вы-

браны партіями комитеты, для чего либералы явятся въ новый театръ, а социалисты—революціонеры въ Географическій Отдѣлъ. Соціалъ-демократы сперва хотѣли собраться въ театрѣ Сичкарева, но потомъ перенесли свое собраніе въ желѣзнодорожный клубъ. Крикнувъ: „да здравствуетъ свобода!“ толпа стала расходиться по домамъ. Во время обсужденія вопросовъ дважды возникала паника подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи казаковъ; часть толпы въ испугѣ дважды отбѣгала къ кадетскому корпусу, но затѣмъ, успокоившись, возвращалась на площадь. Меня уже не было, когда Дзюбинская, слышавъ крики: „идутъ казаки!“ прыгнула въ испугѣ съ „трибуны“, но зацѣпилась за торчавшій огромный загнутый кверху гвоздь, какъ за крючекъ. Размахивая руками и дрыгая полуобнажившимися ногами, она напоминала собою огромную подстрѣленную птицу, зацѣпившуюся за сукъ дерева и бьющуюся зъ предсмертной агоніи *). Толпа, всегда жадная до зрѣлищъ, неистово гоготала.

*] Этотъ слухъ желательно было бы провѣрить. Я не вполне довѣряю ему.

- Ай да мадамъ!
- Bravo! Bravo! Бисъ!...
- Ура! Да здравствуетъ республика!
- Ага! Задрыгала... ногами-то...
- Поменьше бы по сортирамъ лезила!

Вечеромъ того же дня конституціонно-демократическій союзъ, во главѣ котораго стояли между прочимъ учитель Шостакъ и чиновникъ Пищиковъ, принялъ слѣдующую резолюцію: 1) требовать преданія суду и уволить отъ службы генераловъ Сухотина и Романова, какъ главныхъ виновниковъ „варварскаго“ избіенія учащихся и убійства (?) солдата-сапера; 2) удалить изъ города казаковъ, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ ударилъ по шеѣ плетью Шостака, когда послѣдній пустилъ камнемъ въ голову его товарища; при такихъ обстоятельствахъ трудно вести дѣло освободительнаго движенія и бороться съ бюрократіей; 3) снять усиленную охрану, какъ мѣшающую тому же освободительному движенію и распространенію революціи; 4) освободить изъ подъ стражи политическихъ ссыльныхъ и 5) впредь до удовлетворенія предъявлен-

ныхъ требованій произвести всеобщую забастовку.

Ораторами выступали Шостакъ, Дзюбинскій, Кабалкинъ Александръ, Акпаевъ и другіе. Национальности Шостака и Дзюбинскаго я не знаю; послѣдній, кажется, малороссъ, женатый на полькѣ; Кабалинъ—еврей, Акпаевъ—киргизъ. Преніями руководилъ Пищиковъ: онъ же познакомилъ аудиторію съ программой конституціоналистовъ-демократовъ.

21 Октября.—Въ 12-ть часовъ дня въ зданіи городской управы, въ присутствіи многочисленной публики, состоялось экстренное засѣданіе городской думы. Открывъ засѣданіе, городской голова Н. П. Остапенко прочиталъ сначала текстъ ВЫСОЧАЙШАГО манифеста 17 октября 1905 г., а затѣмъ телеграмму съ обращеніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ населенію Имперіи о спокойствіи, съ наступленіемъ котораго возвѣщенные въ манифестѣ реформы приведены будутъ въ исполненіе. Въ отвѣтъ изъ среды гласныхъ раздалось „ура“, а въ публикѣ слышались свистки. Торопясь закрыть засѣданіе, при громѣ протестовъ, какъ со стороны

гласныхъ, такъ и публики, городской голова Н. П. Остапенко покинулъ собраніе, второпяхъ заявивъ: „теперь можете разсматривать текущіе вопросы...“ Уходъ городского головы поднялъ цѣлую бурю негодованія. Поднялся невообразимый шумъ и возгласы: „Бѣглець... „Негодяй“... По всему видно было, что наступила, наконецъ, давно ожидаемая свобода слова. Какъ же ею не воспользоваться? Не все же пользоваться свободою слова однимъ извозчикамъ да пьянымъ сапожникамъ; пора удовлетворить себя и такъ называемой русской интеллигенціи.

— Подлецъ!

— Негодяй!

— Мерзавецъ!

Затѣмъ, единогласно, какъ думой, такъ и публикой, предсѣдателемъ собранія былъ избранъ извѣстный уже читателямъ Пищиковъ, съ большимъ трудомъ успокоившій собраніе и пригласившій публику высказаться по поводу слуховъ о сформированіи черной сотни, задавшей—де цѣлью избить учащуюся молодежь и вообще интеллигенцію. Изъ докладовъ г. директора Омской гимназіи Чудовскаго, Дзюбинскаго и предсѣдателя

саобранія Пищикова выяснилось, что одминистраціи города Омска извѣстно, что мы слахъ черной сотни, при чемъ военный губернаторъ Акмолинской области заявилъ, что толпа прослѣдуетъ съ вокзала въ городъ, неся портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и что онъ проситъ предостеречь молодежь, предложивъ ей воздержаться отъ какихъ бы то ни было противоправительственныхъ демонстрацій, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, можетъ произойти избіеніе революціонеровъ; остановить же патріотическую манифестацію губернаторъ не считаетъ возможнымъ, при объявленной свободѣ слова и сходовъ. Полиціймейстеръ гор. Омска на запросъ, имѣетъ ли онъ достаточно силъ предотвратить возможный на улицахъ разбой хулигановъ? отвѣтилъ, что оказать помощь населенію не можетъ и что хулиганы не тѣ, которые пойдутъ съ царскимъ портретомъ, а учащаяся молодежь, настраиваемая на дурное поведеніе лицами, вызывающими смуту и беспорядокъ въ Россіи. Одинъ изъ военныхъ врачей заявилъ, что сейчасъ на вокзалѣ избить гимназистъ, которому онъ подалъ меди-

цинскую помощь. Далѣе выступило нѣсколько болтуновъ, предложившихъ немедленно образовать городскую милицію. Нѣкоторые рекомендовали обратиться за разрѣшеніемъ въ С.-Петербургъ, указавъ на отказъ администріи въ защитѣ населенія. Прежде чѣмъ принять какое-либо рѣшеніе, собраніе постановило—пригласить военнаго губернатора. Депутатомъ былъ избранъ инженеръ думы И. П. Кравцевъ. Гласный Тартышевъ нашелъ выходки публики неумѣстными, призывалъ ее относиться съ уваженіемъ къ Думѣ и находилъ, наконецъ, необходимымъ очистить залъ. Одна дама изъ публики закричала: „глупо!.. перестаньте!“ Не была ли это все та же Дзюбинская? Заявленіе Тартышева единогласно отклоняется. Возвратившійся Кравцевъ доложилъ, что губернаторъ не будетъ и что онъ проситъ удержать дѣтей отъ демонстраціи: это лучшее средство, по мнѣнію губернатора, избѣжать столкновеній; для защиты же гражданъ отъ нападенія у начальника области имѣется достаточная военная сила. Кабалкинъ, указывая на опытъ другихъ городовъ, пережившихъ—де всѣ ужасы безчинства черной

сотни, когда со стороны администраціи давались обѣщанія защищать гражданъ, настаиваетъ на образованіи городской милиціи, въ составъ которой можетъ войти, между прочимъ, пожарная дружина. Предсѣдатель вольнаго пожарнаго общества Крековъ возражаетъ, что пожарная дружина, состоя почти исключительно изъ мѣщанъ, не надежна для такой цѣли и что, поэтому, онъ отказывается предоставить ее для защиты населенія. Вновь прибывающая публика говоритъ о начавшемся избіеніи интеллигенціи на вокзалѣ. Вслѣдствіе этихъ совершенно ложныхъ слуховъ растетъ въ собраніи возбужденіе. Раздаются голоса, что черносотенцы, въ числѣ 2000 человекъ, идутъ уже въ городъ. Подымается смятеніе... Дамы выбѣгаютъ въ страхъ изъ собранія и впереди всѣхъ несетъ какъ будто бы Дзюбинская съ широко раскрытыми глазами и сбившейся на бокъ огромною шляпкой.

— Спасайся, кто можетъ!

— Да здравствуетъ демократическая республика! кричитъ и мчитъ, какъ вихрь, какой-то господинъ съ фуражкой на затылкѣ, попадаетъ ногою въ проломившуюся доску тротуара и жестоко

падаетъ; натыкаясь на него, задѣвая его ногами и перепрыгивая черезъ него бѣгутъ, сломя голову, конституціоналисты и республиканцы. Двое, трое, четверо образовали уже падениемъ своимъ груды тѣлъ; слышатся крики: „спасите! помогите!“.

Съ открытою головою, растрепанными волосами, выпученными, какъ у рака, глазами и фантастически развивающимися лапами пальто несется, обгоняя другихъ, самъ Пищиковъ; на лицѣ его выраженіе ужаса; смѣшно и неуклюже какъ-то сгибаются колѣнки этого огромнаго бѣгущаго дѣтины, теперь напоминающаго собою маленькаго ребенка, смертельно испугавшагося выскочившей на берегъ изъ пруда лягушки. За Пищиковымъ бѣжитъ Шостакъ и кричитъ „спасайтесь, товарищи!“ За нимъ Дзюбинскій, Кабалкинъ, другой Кабалкинъ..

— Бей жидовъ! раздался чей то насмѣшливый голосъ

— У лю-лю-лю-ихъ! послышался откуда то присвистъ.

Паника увеличивается; освободители окончательно теряютъ головы; кто падаетъ; кто, выбившись изъ силъ, останавливается и тяжело дышетъ, хватаясь

за грудь; кто старается шмыгнуть подъ
мость или забѣжать въ чужой дворъ.
Я никогда не забуду этого паническаго
бѣгства освободителей.

Тѣмъ временемъ собраніе закрывается.
А издали доносится громкое „ура!“ Нѣ-
сколько тысячъ народа идетъ съ порт-
ретомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и
поетъ „Боже, Царя храни!“ А по бокамъ
шипятъ змѣи и другіе гады... У зданія
конвойной команды манифестантовъ
встрѣтилъ въ экипажѣ военный губер-
наторъ; музыканты заиграли народный
гимнъ, раздалось „ура! и полетѣли вверхъ
тысячи шапокъ. Пройдя изъ конца въ
конецъ городъ, черносотенцы возвра-
лись на вокзалъ поздно вечеромъ, Поряд-
докъ нигдѣ не былъ нарушенъ, и на-
прасно революціонеры испытали великій
страхъ.

22 октября. Торговля въ городѣ за-
мерла. Магазины всѣ эти дни, съ 19 по
22 октября закрыты; закрыты также
и нѣкоторыя казенныя учрежденія. Вой-
ска охраняютъ почту, телеграфъ, госу-
дарственный банкъ и дворецъ началь-
ника края. Снаружи дворца стоитъ въ
полномъ составѣ, при одномъ офицерѣ,

рота солдатъ, оцѣпившая даже садъ, а внутренній дворъ занимаетъ сотня казаковъ.

По слухамъ, на вокзалѣ избили одного студента и какого-то доктора медицины. Говорятъ, оба занимались пропагандою революціонныхъ идей.

Въ зданіи мужской гимназіи, подъ видомъ родителей учащихся, собрались генералы отъ революціи и совмѣстно съ нѣкоторыми учителями постановили обратиться къ начальнику края съ просьбою удалить казаковъ: иначе занятія въ учебныхъ заведеніяхъ продолжаться не могутъ.

— Ну, и анаемы! говоритъ одинъ: я только взялъ было камень и хотѣлъ треснуть казака по затылку, какъ онъ, дьяволъ, точно почувялъ, обернулся да огрѣлъ меня плетью и доселѣ синякъ.. Вѣдь, это прямо безобразіе! Надворнаго совѣтника и... плетью!

— А я здорово запустилъ камнемъ въ проклятаго, говоритъ другой: хватился за лобъ и зашатался на лошади... Тутъ подскочили ко мнѣ казаки и давай хлестать...

— Долой казаковъ!

— Долой, долой, долой!

Въ зданіи казенной палаты, обратившейся въ политическій клубъ, разсматривалась программа комитета, избраннаго чинами этой палаты, относительно организаціи союза служащихъ правительственныхъ учрежденій, для огражденія ихъ, въ случаѣ если кто-либо изъ служащихъ пострадаетъ за политическія убѣжденія или вслѣдствіе произвола начальства. Интересно знать, присутствовалъ ли на этомъ засѣданіи управляющій казенною палатой А. И. Г—ковъ?

24 октября.—Сегодня прочиталъ въ газетахъ весьма важное циркулярное распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати. **ВЫСОЧАЙШИМЪ** манифестомъ, говорится въ этомъ распоряженіи, обнародованномъ въ 1/-й день сего октября, на обязанность правительства возложено выполнение непреклонной воли ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА даровать населенію неизблѣмая основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, вслѣдствіе чего, въ виду обращаемыхъ въ главное управленіе по дѣламъ печати запросовъ о томъ,

въ какихъ предѣлахъ можетъ быть нынѣ же осуществляема дарованная населенію свобода печатнаго слова, главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, считаетъ необходимымъ преподать цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней и иностранной цензурѣ, а также лицамъ, цензирующимъ повременныя изданія, нижеслѣдующія указанія: приведенныя выше слова **ВЫСОЧАЙШАГО** манифеста вызовутъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствующаго нынѣ устава о цензурѣ; впредь до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учреждений и лицъ цензурнаго вѣдомства, остаются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, сообразно съ ясно и опредѣленно выраженной въ манифестѣ волею **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**; такъ какъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ такой свободы печатнаго слова, которая не была бы ограничена опредѣленными карательными законами, а потому и у насъ эти законы будутъ всегда ограничивать сво-

боду печати, то цензурному вѣдомству въ настоящее время надлежитъ прежде всего принять въ основу своей дѣятельности къ руководству наше уголовное законодательство, предусматривающее цѣлый рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, а также оглашеніе преступленій государственныхъ, въ числѣ коихъ имѣется цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати. Въ настоящее время дѣйствуетъ уже уголовное уложеніе 1903 г., а именно статьи: 103, 104, 106, 107, III, 128, 129, 132 и 133; прочія же преступленія печати предусмотрѣны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ. Руководствуясь, впредь до измѣненія цензурнаго устава, изложенными въ этомъ уставѣ правилами для цензуры, должно сообразоваться съ новыми условіями, въ которыя поставлена печать, и *личнымъ тактомъ*, полнымъ устраненіемъ какихъ-либо требованій, не основанныхъ на законѣ, избѣгать возможности всякаго рода справедливыхъ нареканій. Въ случаѣ появленія въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ нынѣ безъ предварительной цензуры, такихъ статей, кото-

рыя заключають въ себѣ признаки преступленій, а также въ случаѣ помѣщенія такихъ статей въ подцензурныхъ изданіяхъ, безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры, отдѣльные цензора и другія лица, цензурующія поврежденные изданія, независимо отъ сообщенія о семъ, въ порядкѣ 1230 статьи устава уголовного судопроизводства, главному управленію по дѣламъ печати, имѣють безотлагательно доводить о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго будетъ зависѣть возбужденіе противъ виновнаго уголовного преслѣдованія на точномъ основаніи 237 статьи уст. угол. судопр. и разъясненія Правительств. Сената, послѣдовавшаго 21 декабря 1867 г. по дѣлу Арсеньева и Звенигорскаго. Независимо отъ сего министромъ внутреннихъ дѣлъ признано необходимымъ, въ виду воспослѣдовавшаго **ВЫСОЧАЙШАГО** манифеста, нынѣ же отмѣнить всѣ циркулярныя распоряженія, изданныя на основаніи 140 статьи устава о цензурѣ и печати.

При чтеніи этого распоряженія въ моей квартирѣ находился мѣстный цензоръ Ив. Вас. Селицкій. Онъ только

свистнуль... Ужъ если дѣло запахло „личнымъ тактомъ“, пиши пропало!

28 октября.—Предо мною лежитъ объявленіе „Бюро по организаціи союза служащихъ правительственныхъ учреждений гор. Омска,“ которое доводитъ до свѣдѣнія г. г. служащихъ, что сегодня въ 6 часовъ вечера, въ помѣщеніи Омской казенной палаты назначено засѣданіе выборныхъ отъ учреждений, для образованія комиссіи по выработкѣ устава союза и устава товарищескаго суда. Къ этому объявленію приложена программа комитета, избраннаго чинами Омской казенной палаты по организаціи союза служащихъ въ правительственныхъ учрежденияхъ.

Вотъ содержаніе программы:

1. Лицо, пострадавшее по политическимъ причинамъ или вслѣдствіе произвола начальства, обращается въ Бюро союза служащихъ съ письменнымъ заявленіемъ.

2. Бюро, по полученіи заявленія: а) собираетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, относящіяся до пострадавшаго, какъ о причинахъ, вызвавшихъ его увольненіе, такъ равно о матеріальныхъ его сред-

ствахъ, и б) созвавъ затѣмъ общее собраніе членовъ союза, докладываетъ собранію всѣ установленныя данныя и, кромѣ того, на общемъ собраніи каждый изъ членовъ союза можетъ дополнить эти данныя.

3. Общее собраніе, разсмотрѣвъ заявленіе и всѣ относящіяся до пострадавшаго данныя, въ случаѣ если признаетъ заявленіе его уважительнымъ: а) изыскиваетъ средства къ возстановленію пострадавшаго въ его правахъ, б) выражаетъ постановленіемъ порицаніе лицу, учинившему произволь, и в) посредствомъ печати обращается къ суду общественнаго мнѣнія.

4. Пострадавшему, впредь до пріисканія соотвѣтствующей должности или временныхъ занятій; союзъ приходитъ съ матеріальною помощью посредствомъ выдачи пособія, съ возвратомъ, если это лицо будетъ имѣть къ тому возможность и

5. Средства общества образуются изъ ежемѣсячныхъ отчисленій 1% съ получаемаго содержанія и отъ добровольныхъ взносовъ, при поступленіи въ союзъ, въ размѣрѣ хотя бы одного же

процента съ мѣсячнаго содержанія, причѣмъ послѣдній взносъ не обязательенъ.

Затѣмъ постановлено внести въ уставъ: а) параграфъ о предоставленіи постановленіямъ союза обязательной силы для начальства, б) о предоставленіи союзу права разбирать вопросы произвола начальства и в) о товарищескомъ судѣ.

2 ноября. Въ виду того, что въ жизни Омской центральной фельдшерской школы за послѣднія двѣ--три недѣли произошли нѣкоторыя событія, которыя нарушили мирный ходъ занятій, считаю не лишнимъ познакомить будущихъ читателей моего дневника съ исторіей забастовки, имѣвшей мѣсто въ стѣнахъ названнаго учебнаго заведенія.

Уже со второй половины сентября 1905 г. среди учениковъ стало замѣчаться броженіе, на которое директоромъ школы Б. М. Мариупольскимъ своевременно было обращено вниманіе, и сначала ему удавалось поддерживать въ школѣ порядокъ и спокойную жизнь. Но въ началѣ октября броженіе проявилось снова, все усиливаясь, и 13 октября воспитанники II, III и IV классовъ, въ числѣ 69-ти человекъ, изъ 114 всего комплекта

учащихся, представили своему начальству петицію объ измѣненіи школьныхъ порядковъ и объ улучшеніи условій школьной жизни. Подлинная петиція гласитъ слѣдующее:

„Находя школьный режимъ очень затруднительнымъ, мы, воспитанники Омской центральной фельдшерской школы, единогласно рѣшили предъявить настоящую петицію нашей администраціи, съ нѣкоторыми необходимыми желаніями для нашей общей пансіонской жизни. Желанія эти суть:

1. Замѣнить надзирателей воспитателями.

2. Улучшить библіотеку и сдѣлать свободный доступъ къ выбору книгъ.

3. Ввести преподаваніе по гинекологіи.

4. Отмѣнить карцеръ.

5. Ежедневный ужинъ и улучшить вообще пищу.

6. Ежедневная баня.

7. Ежедневный отпускъ до 9-ти часовъ вечера, кромѣ учебныхъ часовъ.

8. Свободное посѣщеніе театра и другихъ общественныхъ мѣстъ, какъ-то: читальни городской, Географическаго Общества и т. д.

9. Переменить учебникъ по частной патологiи.

10. Переменить форму одежды всѣмъ безъ исключенiя къ 1-му декабря.

11. Назначить практическiя занятiя въ амбулаторiи.

12. Улучшить гигиеническiя условiя школы.

13. Старше въ столовой должны выбираться самими воспитанниками, а не инспекцией школы.

До полученiя резолюци на вышеизложенные пункты мы вынуждены прекратить занятiя“.

Педагогическiй совѣтъ, собравшiйся на засѣданiе того же 13 октября, подъ предсѣдательствомъ Акмолинскаго областного врачебнаго инспектора Касьянова, подвергъ петицию всестороннему обсужденiю, при чемъ пункты 2, 4, 5, 11, 12 и 13 признаны подлежащими удовлетворенiю; пункты 1 и 3 признаны хотя и желательными, но неисполнимыми по недостатку средствъ и только четыре пункта отвергнуты.

Это постановленiе совѣтъ рѣшилъ объявить воспитанникамъ съ предупрежденiемъ, что если они не начнутъ регулярныхъ занятiй въ субботу 15 октября,

то всѣ, неявившіеся на уроки, будутъ считаться выбывшими. 16 октября всѣ воспитанники II, III и IV класса были опрошены въ отдѣльности, при чемъ отъ каждаго была отобрана собственноручная подпись о желаніи или нежеланіи оставаться въ школѣ, и съ 16 октября всѣ, заявившіе о своемъ нежеланіи оставаться до полного удовлетворенія всѣхъ 13-ти пунктовъ петиціи, считались выбывшими изъ школы, въ числѣ 64 человекъ, подписавшихся подъ петиціей. Изъ этого числа 9 учениковъ, по распоряженію администраціи, 17 октября были отправлены на казенныя средства на родину—главнымъ образомъ въ Тобольскую губернію, въ сопровожденіи провожатыхъ лицъ. Эта отправка учениковъ съ провожатыми не носила характера, принудительнаго, а вызывалась желаніемъ обезопасить проѣздъ ихъ на родину, тѣмъ болѣе, что ученики должны были ѣхать на лошадяхъ, вслѣдствіе начавшейся на Сибирской желѣзной дорогѣ забастовки. 18 октября къ директору школы явилось 20 учениковъ, уроженцевъ Семипалатинской и Семирѣченской области и сами просили отправить ихъ безъ задержки на родину съ отходившимъ въ

тотъ день пароходомъ. Всѣ эти 20 учениковъ отправились на пароходѣ на казенный счетъ; по распоряженію военнаго губернатора всѣмъ имъ, сверхъ форменной одежды, были выданы полушубки. 19 октября еще 15 учениковъ обратились къ директору съ просьбою отправить ихъ по домамъ и были отправлены по желѣзной дорогѣ и на лошадахъ на школьныя средства, при чемъ каждый изъ нихъ также получилъ теплую одежду.

Уроки въ школѣ возобновились 25 октября и въ настоящее время идутъ правильно и спокойно.

7 ноября Въ учебныхъ заведеніяхъ гор. Омска идутъ безпорядки.

9 ноября. Прибыль окружный инспекторъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа Поповъ. Приѣздъ его находится въ связи съ послѣдними событіями въ мѣстномъ учебномъ мірѣ въ частности въ мужской и женской гимназіяхъ, гдѣ обычный ходъ класныхъ занятій прерванъ, вслѣдствіе пережитыхъ обществомъ тревожныхъ октябрьскихъ дней и участія въ революціонномъ движеніи.

Съ приѣздомъ г. Попова нѣкоторые изъ преподавателей, особенно въ жен-

ской гимназій, перемѣнили политическій фронтъ и уже высказываютъ взгляды совершенно противоположные своимъ прежнимъ воззрѣніямъ, которыми они сопровождали появленіе манифеста 17 октября.

12 ноября.—„Свободы“ развиваются. Уже небезопасно ходить по улицамъ города. Жители Омска постепенно вооружаются: одни—для самообороны; другіе—для нападеній; кое-гдѣ раздаются выстрѣлы. Говорятъ, это обыватели учатся владѣть, на случай, оружіемъ и пускаютъ въ ходъ, смотря по обстоятельствамъ, ножи и револьверы. До пистолетовъ Браунинга мы еще не дошли. Сегодня военному губернатору Акмолинской области пришлось, однако же, выпустить такого рода воззваніе:

„Въ гор. Омскѣ за послѣдніе дни распространяются слухи о готовящихся, будто бы, нападеніяхъ на дома частныхъ лицъ и магазины съ цѣлью грабежа и разгрома. Несомнѣнно, что такіе слухи распускаются злонамѣренными людьми, которые рассчитываютъ воспользоваться беспорядками ради своихъ цѣлей. Для успокоенія жителей объявляю, что адми-

нистраціей приняты мѣры къ охранѣ гражданъ отъ какихъ бы то ни было злонамѣренныхъ посягательствъ, но считаю долгомъ просить и гражданъ оказать содѣйствіе: каждый по мѣрѣ силъ и возможности, долженъ воздержаться отъ всего, что могло бы послужить поводомъ къ волненіямъ и беспорядкамъ. Сверхъ того, предупреждаю, что за распространеніе ложныхъ слуховъ, тревожащихъ населеніе, виновные будутъ привлекаться къ законной отвѣтственности, а всякія попытки къ грабежу и безчинствамъ будутъ немедленно подавляться силой“.

20 ноября.—Учащіеся подали петиціи. Въ мужской гимназіи назначена сходка учениковъ старшихъ классовъ для ознакомленія съ резолюціями послѣдняго общаго собранія учителей и родителей. Отвѣты на петицію учащихся должны были дать три члена педагогическаго совѣта гимназіи и три представителя родителей—г.г. Габріаловичъ, Морозовъ и Столярскій. Ни учителя, ни только что упомянутые делегаты не имѣли, однако же, возможности выполнить свою задачу, хотя и явились. Имъ помѣшала кучка,

„непримиримых“, въ лицѣ ученика VII класса Гудкова и его приверженцевъ изъ гимназистовъ, гимназистокъ, семинаристовъ и рабочихъ, которые объявили, что по постановленію только что народившагося „союза учащихся“, вмѣсто частной сходки, должна быть общая.

21 ноября.—Митинги и сходки продолжаются. Мужская и женская гимназіи открыли свои двери для учащейся молодежи, среди которой дѣйствуютъ лѣвые преподаватели. Странные люди Чудовскій*) и Свистовская**)—на все смотрятъ сквозь пальцы; какъ будто бы сочувствуютъ всѣмъ безобразіямъ учащихся. Развѣ боятся угрозъ? Чудовскому не разъ уже грозили смертью.

Подходя къ зданію мужской гимназіи я впалъ сегодня въ нѣкоторое недоразумѣніе, Къ параднымъ дверямъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ улицы не торопясь двигались учащіеся, но въ такихъ разнообразныхъ и неприглядныхъ костюмахъ, что походили скорѣе на уличную толпу, чѣмъ на воспитанниковъ гим-

*) Директоръ мужской гимназіи.

**) Начальница женской гимназіи.

нази. Бараньи тулупы, енотовые шубы, желтые армяки, разноцвѣтныя и форменныя пальто, коротенькія тужурки, мѣховыя шапки, казацкія папахи, картузы, фуражки, киргизскіе малахаи, смазные сапоги, франтовскіе ботфорты, даже пимы — все это представляло такую пеструю картину, какой раньше никогда не приходилось видѣть. Большинство — съ папиросами въ зубахъ. Среди гимназистовъ щебечуть гимназистки: многія изъ нихъ въ папахъ. Сегодня праздникъ. Зачѣмъ же учащіеся идутъ въ гимназію? Очевидно, тамъ митингъ. Я также зашелъ въ гимназію. Визгъ, свистъ, трескъ скамеекъ, драка, бѣганье и прыганье по лѣстницѣ и класснымъ столамъ, спусканье на животъ по периламъ — все это продѣлывалось въ нижнемъ этажѣ гдѣ сосредоточились ученики младшихъ классовъ: ученики же старшихъ классовъ и публика была наверху. Большинство учениковъ носило черныя и синія блузы; были въ яркочерныхъ и малиновыхъ рубахахъ, съ широкими въ четверть аршина и больше поясами; нѣкоторые сверхъ рубахъ надѣли студенческія тужурки. Такіе костюмы, при длинныхъ нечесанныхъ волосахъ, при высокихъ са-

погахъ, при брюкахъ за голенищами, придавали многимъ лицамъ угрюмое и даже злое выраженіе. Послышалось пѣніе. Нестройно и какъ—то необычно ревуче запѣли: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“. Митингъ начался. Какой-то очень гладко остриженный, а потому украсившій голову свою красною турецкою фескою корявый гимназистъ вскочилъ на стулъ и обратился къ товарищамъ съ такою рѣчью:

— Почти всѣ наши требованія, товарищи, уже выполнены. Экзаменовъ у насъ больше никогда и никакихъ не будетъ! Это—важнѣе всего! Мы добились свободы посѣщенія занятій, ухода изъ школы и съ уроковъ безъ всякаго разрѣшенія, отмѣны форменной одежды и надзора. Отмѣны ограниченія при приѣмѣ евреевъ, этихъ неутомимыхъ борцовъ за прогрессивныя начала, необязательности говѣнія и посѣщенія церкви; получили право сходокъ, собственнаго суда, устройство своей библіотеки, выбора делегатовъ“ ...

— Развѣ все это разрѣшено уже? спросилъ я у одного изъ гимназистовъ.

— Мы осуществили это путемъ за-

хватнаго права, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ.

Между тѣмъ ораторъ продолжалъ:

— Намъ остается еще уничтожить инспекцію, этотъ остатокъ бюрократическаго пережитка, и выбрать новаго директора....

— А Чудовскаго куда?

— Къ черту Чудовскаго!

— Да здравствуетъ Чудовскій!

— Долой Чудовскаго!

— Долой! Долой!.. долой!..

— Кого же выбрать?

— Пищикова! Пищикова! орали гимназисты и гимназистки.

— Вереденко! неистово кричали другіе.

— Дзюбинскую! Пусть будетъ директрисса! раздался чей то басистый непріятнаго тембра голосъ.

— Дзюбинскую! Дзюбинскую! Дзюбинскую!..

— Итакъ, заявилъ ораторъ, считается избранною Дзюбинская, такъ какъ за нее подано больше голосовъ, чѣмъ за другихъ кандидатовъ.

— Но, господа, мать или дочь Дзюбинская? спросилъ маленькій, плюгавенькій гимназистикъ, почти все лицо котораго

было закрыто папай; я знаю мать и дочь.

— Мать—Дзюбинскую!

— Гимназистку Дзюбинскую!

— Душку—Дзюбинскую!

— Ура!.. Да здравствуетъ республика!..

„Каедру“ занялъ новый ораторъ. Волосы, носъ, глаза, весь обликъ лица и движенія, особенно рукъ, а также пожиманіе плечами говорили за то, что это еврей.

— Что такое религія? началъ онъ: религія—предразсудокъ, остатокъ вѣковой нашей некультурности. Мы—молодое поколѣніе, на которое возложены теперь всѣ надежды Россіи, должны освободить народъ отъ всякихъ предразсудковъ, какъ связывающихъ умъ и волю человѣка и держащихъ его въ цѣпяхъ невѣжества и рабства. Да здравствуетъ свобода совѣсти и убѣжденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и демократическая республика!

Появилась „чуйка“.

— Прежде всего, товарищи, необходимо отобрать землю у помѣщиковъ и заставить ихъ работать на крестьянъ. Пусть знаютъ, ироды, каково жилось мужику, когда царило крѣпостное право!

Затѣмъ необходимо теперь же отобрать фабрики и заводы и передать ихъ рабочимъ, а владѣльцевъ поставить у станковъ и машинъ; необходимо отобрать магазины и лавки и передать ихъ приказчикамъ, а дома—бездомному люду; купцовъ сдѣлать приказчиками. а домовладѣльцевъ—неимущимъ классомъ. Теперь же необходимо произвести подсчетъ всѣмъ суммамъ государственнаго казначейства и раздѣлить деньги между пролетаріями. Да здравствуютъ пролетаріи!

Какой-то молодой человѣкъ, смѣнившій „чуйку“, говорилъ о правѣ всѣхъ, въ томъ числѣ и учащейся молодежи, на свободную любовь. Его смѣнила молоденькая гимназистка, лѣтъ шестнадцать, миниатюрная, смугленькая, съ очень пріятными чертами лица. Она прочитала стихотвореніе:

Приходи, мой другъ, сердечный!

Жду, желанный, не дождусь!

Силой жгучей, быстройтечной

Вся къ тебѣ я страстно рвусь.

Взоръ туманный нѣмой блещетъ,

Губы алая горятъ,

Груды круглыя трепещутъ

И блаженства въкъ сулятъ...
 Узы обуви и платья
 Руки въ мизъ съ меня сорвуть;
 Сладострастные объятъ
 Друга трепетно сожмутъ...
 Задыхаясь отъ томленья.
 Вся горю я... И въ огонь
 Нарастаетъ возделънъе...
 Приходи же, другъ, ко мнѣ!

Раздалось неистовое „браво“! десятки разъ перекатывавшееся съ одного конца зала на другой.

Гимназисты не остались въ долгу; они выпустили широкоплечаго, кудластаго и при томъ же съ огромною палкою въ рукахъ „товарища“, прочитавшаго также стихотвореніе:

Я хочу твои нѣжныя груди ласкать,
 Я хочу тебя всю цѣловать,
 И тогда въ страстномъ снѣ
 Ты приникнешь ко мнѣ
 И научишься также желать.
 Я не знаю стыда .. Будь безстыдной со
 мной!

Какъ вакханка, разстанься съ мечтой:
 Нѣтъ небесной любви,
 Есть желанья въ крови,
 Слушай ихъ и служи имъ собой!
 Я тебя полюбилъ за твою красоту...
 Ты теперь такъ похожа на ту *)...
 Извиваясь змѣей,
 Ты сольешься со мной,
 Обнаживъ свое тѣло—мечту...

Въ заключеніе нѣсколько классовъ гимназіи обращены были въ клозетъ. Такого невѣжества никто не ожидалъ даже изъ невѣжественнѣйшихъ социаль-демократовъ.

Гдѣ же было начальство гимназіи? Говорятъ, директоръ Чудовскій и инспекторъ Дирдовскій оба лежали дома подъ диванами, при чемъ диваны были закрыты коврами, спускавшимся до полу. Великъ же былъ ихъ испугъ!

Въ 4 часа дня въ помѣщеніи мѣщанской управы состоялось собраніе рабочихъ—портныхъ. Собраніе созвано И. С. Зиминымъ, которымъ 18 ноября, съ разрѣшенія губернатора, было издано и рас-

*) На кого?

пространено воззваніе къ рабочимъ—портнымъ. Вотъ наиболѣе характерное мѣсто этого воззванія: „Значительная часть нашего заработка въ настоящее время расплывается по рукамъ скупщиковъ, эксплуататоровъ и посредниковъ разнаго рода. Соединившись вмѣстѣ, организовавъ артель, мы возьмемъ въ свои руки промышленность; тогда прочія мастерскія падутъ сами собой, потому что все дѣло будетъ у насъ“.

Собралось до 70—80 рабочихъ; большинство изъ нихъ были портными. Въ собраніе явилось также до десятка хозяевъ и приставъ Соколовъ. Открывая собраніе, Зиминъ произнесъ рѣчь въ духѣ вышеприведенной выписки изъ его воззванія. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что рабочіе, соединившись въ артель, заживутъ хорошо, что хозяева захирѣютъ и т. п., что продуктъ труда долженъ принадлежать не хозяевамъ, а производителямъ. Послѣ него говорили еще двое: одинъ—въ духѣ Зимина, а другой подробно остановился на значеніи рабочаго движенія въ общественной жизни Россіи.

2 декабря. -- Въ № 253 „Степного Края“ напечатано воззваніе рабочихъ омскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо къ солдатамъ. „На дняхъ“, говорится въ возваніи,“ рабочими и служащими омскихъ мастерскихъ и депо получена телеграмма Харбинь—Томскъ, въ которой сообщается, что газета начальника тыла Маньчжурской арміи „Восточный Вѣстникъ“ убѣждаетъ солдатъ въ томъ, что армія не отправляется на родину изъ-за забастовокъ рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ. 27 ноября была вновь получена телеграмма изъ города Томска, что кто-то распространяетъ среди солдатъ, квартирующихъ въ городѣ, слухъ, что солдатъ не отправляютъ на родину тоже изъ-за забастовокъ. Возмущенные этой наглою клеветой на желѣзнодорожныхъ рабочихъ, очевидно, съ цѣлью возбудить вражду со стороны солдатъ къ ихъ товарищамъ—рабочимъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ истинной причины невозвращенія на родину, мы заявляемъ, что эта клевета на рабочихъ. ѿ ядомъ постановленій желѣзнодорожные рабочіе рѣшили даже въ случаѣ забастовокъ обязательно перевозить на родину солдатъ и офицеровъ. Мы понимаемъ желаніе

товарищей—солдатъ скорѣе вернуться на родину, по которой они годы томились, и мы всѣми силами поможемъ имъ скорѣе вернуться домой“.

Подписалъ эту прокламацію предсѣдатель общаго собранія Байманъ.

27 декабря. Я долго не брался за свой дневникъ.

Нужно сознаться, что мы, жители города Омска, не мало вкусили отъ свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г. Долго не забудется на Руси это проклятое время, принесшее съ вѣстью о свободѣ столько слезъ, горя и отчаянія.

„Свободы“ начались у насъ, какъ говорилось уже выше, сходками и митингами; на этихъ сходкахъ и митингахъ доморощенные наши „ораторы“ всячески распинали правительство, требовали учрежденія республики и расшатывали вѣковые устои страны, чтобы повергнуть ее въ прахъ, такъ какъ создать что-либо новое для такого обширнаго и разноплеменнаго государства, какъ Россія, въ короткое время нельзя было, да это, повидимому, и не входило въ задачи освободительнаго движенія: нужно только разрушить, а

тамъ, послѣ разрушенія, на очищенномъ отъ мусора мѣстѣ можно будетъ заложить и новое зданіе, какое захочетъ народъ. Всѣмъ руководить чья-то злая воля, дѣйствуетъ чья-то злая рука, ослабляя могущество страны...

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я наблюдаю удивительную картину. Чиновники не хотятъ сидѣть за скучнымъ своимъ канцелярскимъ дѣломъ и требуютъ свободы: когда захочу, тогда, видите ли, и буду писать. Учителя не хотятъ учить, ученики—учиться; тѣ и другіе требуютъ свободной школы, при чемъ свободною школою со стороны учащихся считается такая, гдѣ можно совсѣмъ не учиться, но обязательно получать „установленные дипломы“, со стороны же учителей—школа, въ которой не было бы никакого начальства, записывающаго пропуски уроковъ и опаздываніе въ классъ. Приказчики не изъявляютъ желанія торговать, рабочіе—работать, а денегъ требуютъ. Всѣ желаютъ быть „ораторами“ и поучать народъ. Неподготовленные къ политической жизни и дѣятельности, наши чиновники, просидѣвшіе нѣсколько деревянныхъ стульевъ за исходящими и входящими бумагами;

приказчики, до селѣ, кромѣ аршина и фунта, ничего не видѣвшіе, но начитавшіеся изданій „Донской Рѣчи“, „Буревѣстника“, „Народной Воли“, облѣнившіеся учителя и рабочіе, ознакомившіеся по брошюрамъ за 5 копѣекъ съ основами политической экономіи Маркса, всѣ заняли „каѳедры“. Можно представить себѣ, какой получился хаосъ. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, евреи и, представьте себѣ, киргизы, этотъ полудикій народъ, неожиданно выступившій на поприще политической дѣятельности въ лицѣ „культурныхъ“ своихъ представителей, не однажды быть можетъ, побывавшихъ въ тюрьмѣ, Акпаева и Букейханова. Изъ евреевъ дѣйствуютъ преимущественно учащіеся. Власть поставлена въ совершенно невозможныя условія. Генераль-губернаторъ Сухотинъ не имѣетъ никакихъ распоряженій и не получаетъ отвѣтовъ на свои запросы: Петербургъ упорно молчитъ, какъ будто бы его и нѣтъ.

4-го января 1906 года. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ указомъ 4 сего января призналъ необходимымъ:

1. Объявить на военномъ положеніи

Акмолинскую и Семипалатинскую области и Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи, съ одновременнымъ перечисленіемъ этого уѣзда изъ Казанскаго въ Сибирскій военный округъ, распространивъ на означенныя мѣстности дѣйствіе правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи.

2. Предоставить степному генералъ-губернатору и командующими войсками Сибирскаго военного округа въ отношеніи этихъ мѣстностей присвоенныя въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи права военного начальства и особыя права и обязанности административныхъ органовъ гражданскаго вѣдомства по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и

3. Разрѣшить ему передавать полномочія, предоставляемыя ст. 19 вышеизложенныхъ правилъ, особо для сего назначенному лицу съ тѣмъ, чтобы генералъ-губернатору принадлежало право отмѣнять его распоряженія, касающіяся охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Наконецъ-то! Жители гор. Омска могутъ теперь вздохнуть свободнѣе.

Сегодня же въ зданіи Омскаго низшаго

механико-техническаго училища состоялось совѣщаніе директоровъ среднихъ, низшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній города Омска.

„Принимая во вниманіе,“ говорится въ протоколѣ засѣданія, „что при теперешнемъ возбужденномъ состояніи учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Омска, проявляющемся въ постоянныхъ митингахъ, сходкахъ, подачѣ петицій, насиліи старшихъ учениковъ надъ младшими, бойкотированіи ненравящихся имъ преподавателей, образованіи незаконныхъ союзовъ учащихся, массовомъ непосѣщеніи уроковъ вообще и безпорядочномъ посѣщеніи уроковъ въ частности, полномъ пренебреженіи къ закону Божию, произвольно относимому къ предметамъ для обученія не обязательнымъ, полнѣйшемъ игнорированіи дисциплины вообще и класной въ особенности, отрицаніи власти и значенія школьной администраціи,—остановились передъ вопросомъ, возможно ли при такихъ условіяхъ приступить во второй половинѣ 1905—1906 учебнаго года къ занятіямъ?“

Вопросъ былъ очень важный, такъ какъ въ первую половину этого учебнаго года старшіе классы (V—VIII) Ом-

ской мужской гимназіи, техническое училище и учительская семинарія, вслѣдствіе беспорядковъ, были закрыты; въ Омской же женской гимназіи хотя ученіе и производилось, но совершенно неправильно: старшія ученицы занимались больше бойкотомъ нѣкоторыхъ учителей и политикой, нежели ученіемъ.

На совѣщаніи 4 января постановлено:

1. По обсужденіи въ педагогическихъ совѣтахъ положенія дѣла, предложить учащимся учебныхъ заведеній приступить къ занятіямъ, но при непремѣнномъ условіи точнаго исполненія существующихъ уставовъ, правилъ и циркулярныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія—впредь до изданія новыхъ правительственныхъ узаконеній, если таковыя послѣдуютъ.

2. Тѣхъ учащихся, которые не пожелаютъ безусловно подчиниться этимъ требованіямъ, уволить изъ того или другого учебнаго заведенія безъ права обратнаго поступленія.

3. Та же мѣра должна быть примѣнена и къ тѣмъ изъ учащихся, которые, приступивъ къ занятіямъ, нарушаютъ въ чемъ-либо вышеизложенныя требованія.

4. Пригласить всѣхъ лицъ педагоги-

ческаго персонала своимъ вліяніемъ содѣйствовать успѣшному проведенію въ жизнь школы таковыхъ мѣропріятій.

Удаленіе изъ школы беспокойнаго и прямо даже буйнаго элемента являлось единственнымъ средствомъ къ возстановленію здѣсь совершенно расшатаннаго порядка, такъ какъ всѣ другія—педагогическія мѣры, предпринимавшіяся къ упорядоченію школьной жизни съ 19 октября 1905 г., не могли дать никакихъ благопріятныхъ результатовъ; напротивъ того, учащаяся молодежь объявляла себѣ мягкое обращеніе съ нею, при беспорядкахъ, „трусостью начальства“ и считала себя хозяиномъ положенія.

5 Января.—Начались аресты.

8 Января.—Распоряженіемъ командующаго войсками Сибирскаго военнаго округа отстраненъ отъ должности учитель Омскаго городского пятикласснаго училища Коротковъ.

9 Января.— Въ ночь на 9 января арестованы и посажены въ тюрьму преподаватель женской гимназіи Сіазовъ и классная надзирательница Терехова.

10 Января.—Отстранены отъ занимаемыхъ должностей начальница Омской женской гимназіи Свистовская и учитель исторіи Шостакъ. Чудовскій удержался.

16 Января.—Въ Омской мужской гимназіи приступили къ занятіямъ, но толку изъ этого вышло мало: уроки посѣщались неисправно, какъ учителями, такъ и учащимися; гимназисты устраивали сходки и дѣлали попытки пѣть „русскую марсельезу“ и другія революціонныя пѣсни. Значительная часть старшихъ учащихся съ ученикомъ VIII класса Гонцовымъ во главѣ, хотѣла, однако же, учиться и вела упорную борьбу съ забастовщиками. Озлобленіе между двумя этими группами выражалось иногда въ очень рѣзкихъ проявленіяхъ.

17 Января.—Ученикъ VIII класса Поповъ, войдя во время урока латинскаго языка въ свой классъ, назвалъ подлецами находившихся тамъ товарищей и не хотѣвшихъ бастовать.

Сегодня же собравшіеся въ залъ гимназіи на сходку ученики оказали упорное непослушаніе начальству и разошлись только послѣ угрозы позвать полицію.

19 Января.—Директоръ гимназіи Чудовскій считаетъ необходимымъ, для окончательнаго успокоенія гимназіи, уволить ученика VIII класса Константина Попова и учениковъ VII класса: Кортусова, Ламони, Мацкова, Терехова, Сунгурова и Хорошкова, какъ руководителей въ безпорядкахъ, но педагогическій совѣтъ постановилъ, не прибѣгая къ увольненію указанныхъ учениковъ, пригласить ихъ въ засѣданіе совѣта на 20 января, выяснить ихъ намѣреніе относительно занятій въ гимназіи и убѣдить ихъ отказаться отъ всякихъ попытокъ нарушить школьные порядки. При своемъ мнѣніи остался только директоръ гимназіи Чудовскій; къ нему присоединился инспекторъ Дирдовскій.

20 Января.—ученики: Поповъ, Мацковъ, Ламони, Кортусовъ, Тереховъ, Сунгуровъ и Хорошковъ держали себя на совѣтѣ не только безтактно, но и въ высшей степени нахально. Они говорили противъ бюрократическо-полицейскаго строя и отсутствіи законности въ Россіи вообще и негодности русской школы въ частности, воспитывающей только „правительственныхъ дворняжекъ“. Ближайшею

причиною своихъ волненій ученики назвали заключеніе въ тюрьму своихъ товарищей: Насибянца Павла, Милюкоза Ивана, Шаромова Владимира, Гудкова Сергѣя, Колпакова Михаила и Айзина Веніамина. Обвиняемые по положенію о государственной охранѣ, эти лица, какъ я узналъ сегодня, были посажены въ Омскій тюремный замокъ въ началѣ января мѣсяца, при чемъ Насибянецъ, Милюковъ и Шаромовъ ко времени ареста ихъ не значились учениками гимназіи, такъ какъ, по постановленію педагогическаго совѣта отъ 29 ноября 1905 г. были уволены за невзносъ платы за ученіе; остальные же ученики были исключены изъ гимназіи уже по заключеніи ихъ въ тюрьму: Гудковъ Сергѣй— за возбужденіе учащихся къ самовольному, по предварительному между собою соглашенію, прекращенію занятій, за участіе въ союзѣ учащихся и произношеніе политическихъ противоправительственныхъ рѣчей на митингахъ, Айзинъ и Колпаковъ за сознательно враждебное отношеніе къ установленному правилами гимназіи порядку и политическую неблагонадежность. Призванные въ педагогическій совѣтъ Омской мужской гим-

назиі, ученики говорили между прочимъ, что они до тѣхъ поръ не могутъ успокоиться, пока ихъ товарищи не будутъ выпущены изъ тюрьмы и порицали членовъ педагогическаго совѣта за бездѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи; педагогическій же совѣтъ постановилъ оставить въ силѣ свое рѣшеніе отъ 19 января, т. е. не исключать и даже не наложилъ на поименованныхъ учениковъ никакого наказанія. Вотъ вамъ и рѣшеніе директоровъ среднеучебныхъ заведеній 4 января! Оно осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь.

21 Января.—Въ мужской гимназіи—пѣніе марсельезы, свистъ и гиканіе.

24 Января.— Издано обязательное постановленіе для жителей г. Омска, коимъ воспрещается всякое нарушеніе правильнаго теченія занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ, торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ. Виновные въ нарушеніи обязательнаго постановленія подвергаются заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 3000 рублей.

28 Февраля.—Слишкомъ мѣсяць я не брался за свой дневникъ.

Сегодня въ Омской мужской гимназіи произведена химическая обструкція. Ученикъ VI класса Парѣеновъ Петръ во время урока нѣмецкаго языка бросилъ стклянку съ вонючею ѣдкою жидкостью въ стѣну класса, вслѣдствіе чего она разбилась и жидкость разлилась. Ученикъ VII класса Николаевъ Николай разбрасывалъ по корридору гимназіи смоченный корбидъ, издававшій непріятный запахъ. При допросѣ Парѣеновъ сознался, что на него „паль жребій“ устроить обструкцію, а Николаевъ виновнымъ себя не призналъ. Въ этотъ же день брошены въ VIII классъ черезъ открытую дверь двѣ бутылки съ ѣдкою жидкостью, часть которой попала на учениковъ Голенищева—Кутузова и Клячкина, а остальная разлилась на окнѣ и на полу. Бутылки бросили ученики того же класса Жарковъ и Созиновъ.

2 марта.—1 марта въ 11 часовъ вечера арестованъ и посаженъ въ тюрьму преподаватель словесности въ Омской мужской гимназіи К. Еще до начала уроковъ нѣкоторые изъ учениковъ тре-

бовали отъ учебнаго начальства освобожденія К. изъ тюрьмы, угрожая безпорядками. Къ 10 ти часамъ утра безпорядки были во всей уже силѣ: ученики отказались повиноваться начальству, держали себя крайне дерзко, пѣли революціонныя пѣсни, поднимали свистъ и хотѣли прибѣгнуть къ физическому насилию надъ нѣкоторыми изъ членовъ педагогическаго совѣта. Чудовскій бѣжалъ изъ гимназіи, Дирдовскій куда-то спрятался; преподаватели разбѣжались. На этотъ разъ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи. Часть учениковъ, еще до прибытія полиціи, отправилась въ женскую гимназію, но здѣсь имъ пришлось плохо. Ученику V класса Виницкому швейцаръ женской гимназіи далъ по шеѣ такъ ловко и здорово, что и другимъ стало неповадно. Гимназистокъ оставили въ покоѣ.

3 марта.—Стало извѣстно, что арестованы слѣдующіе ученики Омской мужской гимназіи: V класса Виницкій и Михайловъ, VI класса—Костко и Парѣновъ, VII класса—Лебедевъ, Лимоновъ, Мацковъ, Николаевъ Николай и Елинъ и VIII класса—Жарковъ.

5 марта. Состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта и рассмотрѣны проступки учениковъ, при чемъ совѣтъ постановилъ по отношенію къ Жаркову, Николаеву, Парѣнову, Виницкому и Мацкову примѣнить § 11 п. 18 правилъ о взысканіяхъ съ учениковъ гимназіи; Лимонову, Елину и Лебедеву—объявить выговоръ отъ педагогическаго совѣта, съ предупрежденіемъ, что они будутъ уволены изъ гимназіи при первомъ же новомъ нарушеніи ими школьной дисциплины. Родителямъ ученика Михайлова предложено совѣтомъ взять его изъ гимназіи по прошенію, въ случаѣ же несогласія—уволить. Затѣмъ на совѣтѣ было заявлено директоромъ гимназіи, что ученикъ VIII класса Созиновъ виновенъ въ томъ же, въ чемъ и уволенный совѣтомъ Жарковъ, и совѣтъ постановилъ примѣнить къ Созинову § 11 п. 18 правилъ о взысканіяхъ. Далѣе, въ этомъ же засѣданіи совѣтъ обсуждалъ поведеніе ученика V класса Машинскаго, который, войдя въ классъ во время урока словесности, взялъ изъ своей парты книги, подошелъ къ каѳедрѣ, сказалъ преподавателю Ивченко „сыщикъ!“ и ушелъ домой. Постановлено уволить Машинскаго изъ гимназіи.

2 марта былъ послѣдній взрывъ революціоннаго проявленія среди учениковъ Омской мужской гимназіи. Все было направлено къ тому, чтобы такъ или иначе устроить забастовку учащихся. Руководили дѣломъ люди, видимо, искусившіеся уже въ развращеніи учащейся молодежи и опытные въ революціонной пропагандѣ. Гимназіи—мужская и женская, а также другія учебныя заведенія гор. Омска буквально забрасывались прокламаціями, призывавшими учащихся бастовать. „Началось“, говорится въ одной изъ нихъ: „Оправились темныя силы, зашевелилось болото и смрадомъ отъ него понесло. Начали душить все свѣтлое, смѣлое и свободное. Въ нашемъ углу представителями стремленія къ свободѣ явились юноши и дѣти; расшевелили они старыя черствыя сердца, бюрократовъ - родителей... Но запахло въ воздухѣ реакціей, и смолкли свободныя рѣчи. Но мы, поднявшіе знамя свободы, не опустимъ его. Насъ хотятъ запугать, задавить въ насъ стремленіе къ свободѣ; намъ готовятъ ловушку; для насъ открываютъ школу... Товарищи. Школа издавна давила все свѣтлое, готовила свору царю“ и т. д. Порицаніе школы усиливается и прокламація за-

канчивается словами: „Бойтесь, товарищи, ловушки—гимназіи и знайте, что мы, только забастовавши, избавимся отъ великой опасности! Уже и теперь началась работа по очисткѣ школы: арестованы наши товарищи, посажены въ тюрьму, какъ воры и убійцы“...

Въ другой прокламаціи говорится: „Мы прибѣгли къ обструкціи. Насъ вынудили къ тому педагогическій совѣтъ и произволъ администраціи. Съ начала января въ теченіе нѣсколькихъ дней производились аресты нашихъ товарищей, ничѣмъ не вызываемые и совершенно намъ не понятные. Начиная съ 17 января огромное большинство учащихся пожелало на частной сходкѣ обсудить это событіе, но сходка не могла состояться, вслѣдствіе безтактности педагоговъ и горсти гимназистовъ, не желающихъ подчиниться резолюціи сходки. Для успокоенія учащихся было сдѣлано одно: 21 января лучшіе ученики старшихъ классовъ гимназіи были приглашены въ засѣданіе педагогическаго совѣта; имъ, однако, не было дано никакихъ объясненій по поводу ареста ихъ товарищей: все объясненіе заключалось въ попыткахъ доказать имъ, что интересы большинства расходятся съ задачами гор-

сти агитаторовъ. Но мы не признаемъ, что арестованные товарищи преслѣдовали задачи исключительныя, а не общія всѣмъ и каждому изъ учащихся. Мы требуемъ всесторонняго освѣщенія дѣла и негодуемъ противъ всякихъ попытокъ страхомъ репрессій удержать насъ отъ вмѣшательства въ судьбу нашихъ товарищей. Вслѣдствіе цѣлаго ряда насилій сходка въ стѣнахъ гимназіи не могла состояться; намъ пришлось устроить сходку на частной квартирѣ и санкціонировать ея постановленіе, устроивъ обструкцію. Мы постановили пріостановить занятія въ гимназіи впредь до окончательнаго выясненія причинъ ареста нашихъ товарищей. Мы заявляемъ, что спокойный ходъ занятій не мыслимъ, пока возможны посягательства на неприкосновенность личности и четыре свободы. Мы требуемъ свободы сходовъ, союзовъ, неприкосновенности личности, свободы совѣсти и слова. Долой педагоговъ и администрацію“.

Забастовка не имѣла, однако, успѣха, и учащіеся старшихъ классовъ благополучно закончили свои занятія, при чемъ большинство изъ нихъ занималось усердно, стараясь, по возможности, усвоить

положенный курсъ того или другого предмета.

15 апрѣля — Опять долго не брался я за дневникъ.

Жизнь текла у насъ за это время обычнымъ порядкомъ. Для мирныхъ жителей было совершенно незамѣтно, есть ли военное положеніе, или нѣтъ его; никто ни въ чемъ его не чувствовалъ; революціонерамъ же и хулиганамъ стало плохо; многіе изъ нихъ распростились съ Омскомъ, а оставшіеся попрятались въ свои норы. Прошелъ слухъ, что степной генераль-губернаторъ Н. Н. Сухотинъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Жалко! Это безспорно умнѣйшій, замѣчательно энергичный и рѣшительный человекъ. Достаточно было распространиться вѣсти объ его уходѣ, чтобы революціонеры и хулиганы воспрянули духомъ.

Съ 14 на 15 апрѣля на окраинѣ города — въ Кривошековѣ съ цѣлью грабежа ранены Адаменко и двѣ женщины — Катисова и Сѣдельникова; изъ нихъ осталась въ живыхъ только Катисова; Адаменко былъ найденъ сосѣдями на полу въ безсознательномъ состояніи, а Сѣдельникова съ выпавшими кишками въ подвалѣ. Обѣ

жертвы были доставлены въ больницу, гдѣ, не приходя въ сознаніе, утромъ же умерли. На жителей гор. Омска, привыкшихъ, въ общемъ, къ тихой, спокойной жизни, это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе.

16 апрѣля. Чиновнику особыхъ порученій при Степномъ генераль-губернаторѣ Корнѣеву разрѣшено издавать и редактировать газету „Степной Голосъ“.

Въ сегодняшнемъ номерѣ (79) „Вѣчный вьюноша“; какъ мы прозвали Корнѣева, за его легкомысленность, заявилъ, что газета его будетъ проводить стремленія партіи народной свободы, т. е. конституціонно-демократической. Вы думаете, что Корнѣевъ вышелъ въ отставку? Ничуть не бывало!

27 апрѣля. Генераль Сухотинъ покинулъ Омскъ.

30 апрѣля. Водовозы за-Омской части города объявили стачку и прекратили доставку воды обывателямъ. Выработаны требованія: исправленіе подъѣздовъ къ берегу рѣки Иртыша и устройство мостковъ для удобной стоянки лошадей во

время набирания воды или водокачки. Мотивомъ приводилась полная невозможность добраться до воды, благодаря непролазной грязи, и частыя несчастія съ лошадьми, благодаря этому, а также невозможности брать хотя бы сколько-нибудь чистую воду. Приходится удивляться долготерпѣнію водовозовъ и обывателей. Городской управѣ давно слѣдовало бы позаботиться о сносной водѣ для жиелей гор. Омска.

7 мая. Сибирскій Союзъ—Комитетъ російской соціалъ-демократической рабочей партіи выпустилъ прокламацію, съ призывомъ жертвовать деньги на революцію. „Какъ ни тяжелы условія революціонной дѣятельности въ полицейско-самодержавной Россіи, революціонныя организаціи“, читаемъ въ прокламаціи, „не смотря на поистинѣ драконовскія гоненія и кары, не смотря на многократныя разгромы, снова и снова возраждаются къ новой жизни. Моментъ, когда Омскій Комитетъ возобновилъ свою революціонную дѣятельность поистинѣ можетъ быть названъ историческимъ. Приближается время ликвидаціи „старого порядка,“ надвигается „девятый валъ“, который бу-

детъ послѣднимъ, рѣшающимъ. Приближается послѣдній часъ самодержавія“ и т. д. Вся бѣда только въ томъ, что нѣтъ денегъ въ кассѣ; приходъ за май мѣсяць выразился 232 р. 5 к., а расходъ 204 р. 10 к., остатка 27 р. 95 к. На такія деньги далеко, конечно, не уѣдешь...

12 мая. Сегодня вечеромъ, часовъ въ 11, на проходившаго по Губернаторской улицѣ, близъ Капчевичевой, г. В. напала шайка революціонеровъ-грабителей. Оглушивъ ударомъ палки по головѣ, они повалили его и, вытащивъ изъ кармана часы, скрылись, оставивъ г. В. въ безчувственномъ состояніи. Очнувшись В. еле добрался до дому; въ карманѣ его пальто нашли вчетверо свернутую бумажку съ печатью „Омскаго Комитета Сибирскаго Союза социаль-демократической рабочей партіи“.

Особенно участились случаи нападенія около завода Маріупольскаго, гдѣ не стало даже возможности ходить. Не проходило вечера и ночи, чтобы кого-нибудь не избили или не ограбили.

13 мая. Сыро. Дуетъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, и я невольно подни-

маю воротникъ своего пальто. Скучнымъ, непривѣтливымъ выйдить гор. Омскъ. Ни садовъ въ немъ, ни зелени нѣтъ. О цвѣтахъ и деревьяхъ мы, омичи, имѣемъ самыя смутныя понятія и знаемъ только тополь, бузину да березу. На улицахъ непролазная грязь; тамъ и сямъ виднѣются рогатки, закрывающія проѣзды: можно и лошадей утопить и самому утонуть. Извозчики положительно отказываются везти, и я вотъ уже болѣе часа пробираюсь изъ улицы въ улицу по океанамъ грязи. Интересная картинка представилась глазамъ моимъ на Атаманской улицѣ противъ дома Баранова. Это — лучшая улица гор. Омска, по которой идетъ движеніе отъ желѣзной дороги къ парходнымъ пристанямъ*). Извозчицья пролетка допотопнаго вида засѣла въ выбоину, наполненную тягучею, липкою грязью больше аршина глубины; далѣе, вдоль и поперекъ идетъ безконечное множество такихъ же выбоинъ, мѣстами даже болѣе глубокихъ, чѣмъ та, въ которую засѣла извозчицья пролетка. Оси пролетки погружены въ грязь, крылья видны только наполовину; пассажиръ беспомощ-

*) Въ настоящее время улица уже замощена.

но поднялъ ноги и сидить въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпененіи. На тротуарѣ стоитъ какой-то господинъ или, выражаясь по современному, гражданинъ, средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, хорошо одѣтый и съ любопытствомъ смотритъ на картину. Я могъ бы принять его за туриста, встрѣтившаго на пути своемъ что-то новенькое и очень занимательное, если бы не зналъ, кто этотъ гражданинъ. Это былъ мѣстный городской голова Николай Петровичъ Остапенко. Пока мы протягивали другъ другу руки и крѣпкожимали ихъ, извозчикъ хлестнулъ кнутомъ тощую свою лошаденку; она рванулась сначала вправо, потомъ влѣво; экипажъ какъ-то неестественно вздрогнулъ, заскрипѣлъ, покачулся вправо и влѣво и опрокинулся. Въ воздухѣ замелькали ноги сѣдока; затѣмъ онъ на мгновение скрылся въ выбоинѣ. Можно представить себѣ, какимъ онъ поднялся изъ грязевого бассейна: носъ, ротъ, уши—все слилось въ одну общую массу, какъ бы нехотя стекавшую внизъ; фуражки не было. Напрасно этотъ господинъ старался выбраться изъ выбоины: грязь была настолько густа и липка, что онъ никакъ не могъ вытащить свои ноги; одну подни-

метъ, другую засосеть; другую подниметь, первую засосеть.

— Искупались, Иванъ Ивановичъ? говоритъ добродушно городской голова, обращаясь къ барахтающемуся въ грязи, повидимому, хорошему знакомому.

— Боюсь утонуть, Николай Петровичъ!

— Ничего! Какъ нибудь выберетесь: возьмите немного вправо... Вотъ такъ, сюда! Поднимите повыше ногу, здѣсь бугоръ... Такъ, такъ! Вотъ такъ! Теперь опять направо..

Наконецъ-то я около зданія Омскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Это—цѣль моего далеко нелегкаго путешествія. Я долженъ былъ посѣтить собраніе конституціонно-демократической партіи. На очереди стоялъ докладъ учителя гимназіи К-ка „Государственный строй и основныя права гражданъ“.

Г. К-къ обрисовалъ прежде веего самодержавный строй съ его „всевластной бюрократіей“, подавляющей всякую самодѣятельность и отнимающей всѣ политическія права у гражданъ. Затѣмъ онъ очертилъ тотъ государственный строй, котораго будетъ добиваться конституціонно-демократическая партія. Вопросъ о

формѣ правленія К-къ обошелъ молчаніемъ и по вопросу одно или двухпалатной системы представительства придерживается онъ, рѣшительно высказался за одну палату, оговорившись, однако, что по этому вопросу въ партіи существуетъ различіе мнѣній. Указавъ затѣмъ, что даже самая свободная конституція останется листомъ бумаги, если ее не будетъ защищать самъ народъ, К-къ сказалъ, что самой лучшей защитой конституціи является независимый судъ.

Возраженія оппонентовъ были главнымъ образомъ направлены не на рефератъ, а на самую программу партіи народной свободы. Одинъ изъ „ораторовъ“ такъ и сказалъ, что онъ будетъ доказывать антидемократичность конституціонно-демократической партіи. Истинный демократъ долженъ отстаивать такой строй, при которомъ вся полнота власти принадлежитъ самому народу: народъ самъ законодательствуетъ, самъ приводитъ въ исполненіе свои законы, самъ судитъ преступниковъ своихъ законовъ. Единственной мыслимой формой правленія при полномъ народовластіи является демократическая республика. Для охраны своихъ правъ отъ посягательства разныхъ про-

ходимцевъ, въ родѣ Наполеона, народу необходимо имѣть въ рукахъ достаточную силу и, потому послѣдовательный демократъ долженъ стремиться къ уничтоженію постоянныхъ армій и замѣнѣ ихъ оруженіемъ всего народа. Двухпалатная система представительства, при которой верхняя палата, составленная, какъ показалъ опытъ западно-европейскихъ странъ, главнымъ образомъ изъ представителей буржуазіи, будетъ тормозить дѣятельность нижней палаты, тоже не совмѣстима съ принципами полного народовластія. Конституціонно-демократическая партія, отстаивая конституціонную монархію, не требуя распушенія постоянной арміи и допуская въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ одной или двухпалатной системѣ представительства, тѣмъ самымъ доказываетъ, что она стремится не къ полной народной свободѣ, а къ свободѣ только для части народа, для буржуазіи. Этому „оратору“ возражалъ податной инспекторъ Вереденко. По его мнѣнію, говорить о республикѣ теперь—значить ждать для Россіи военной диктатуры. „Вчерашній рабъ“, сказалъ Верденко, „не можетъ быть сегодня гражданиномъ демократи-

ческой республики; поэтому Россіи, въ случаѣ провозглашенія республики, грозитъ такая же участь, какая постигла Францію въ XVIII столѣтіи“ и т. д. Всѣ рѣчи нашихъ знаменитыхъ „ораторовъ“ были ничто иное, какъ пережевываніе газетнаго революціоннаго матеріала, которымъ изобиловали дешевыя столичныя лѣвыя изданія. Собраніе закончилось, конечно, требованіемъ учредительнаго собранія. „Если социаль-демократы выставятъ здѣсь своихъ кандидатовъ, то эти кандидаты дадутъ клятвенное обѣщаніе народу, что никакой органической работой въ Думѣ они заниматься не будутъ, но, декретировавъ созывъ учредительнаго собранія, будутъ настаивать на роспускѣ Думы и созывѣ учредительнаго собранія всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ“, — закончилъ послѣдній ораторъ.

14 мая. Сегодня въ „Степномъ Голосѣ“, издаваемымъ Корнѣевымъ, появилась замѣтка, подъ заглавіемъ „Молодечество или дикость“. — „Неприятное и скверно дѣйствующее на и безъ того надерганые нервы обывателя приходится наблюдать, говоритъ газета, на улицѣ зрѣлище,

при возвращеніи съ занятій конной охотничьей команды. Громадная ватага съ завываньемъ, дикимъ гиканьемъ и молодецкимъ посвистомъ медленно движется по улицамъ, вызывая въ обывателѣ не безпричинное безпокойство и предчувствіе чего-то недобраго. Что сіе значитъ? Или это обычный видъ устрашенія и безъ того уже напуганнаго военными, осадными и прочими положеніями обывателя, или это называется пѣніемъ, на что мало похоже? Во всякомъ случаѣ такое „молоднечество“ можетъ быть и хорошо дѣйствуетъ при возбужденіи извѣстныхъ чувствъ въ воинахъ, но прекращеніе его на улицахъ города доставило бы немалое удовольствіе публикѣ. Такъ пишетъ г-нъ Корнѣевъ. Вотъ если бы шла толпа революціонеровъ съ красными флагами и орала „русскую марсельезу,“ то это дѣйствовало бы на омскую публику чудеснѣйшимъ образомъ, а то воинская команда возвращается съ пѣснями съ ученья... Какъ это дико и скверно дѣйствуетъ на надерганные нервы революціонеровъ!

28 Мая. — Выпущены изъ мѣстной тюрьмы арестованные 18 апрѣля въ же-

лѣзно-дорожныхъ мастерскихъ рабочіе: Сазоновъ, Быковъ и Корнѣевъ.

30 Мая.—На Варламовской улицѣ противъ дома Краснобородова найденъ трупъ Николая Тюрина, чернорабочаго, проживавшаго въ домѣ Попова по Плотницкой улицѣ.

2 Іюня.—Въ ночь съ 1-го на 2—е іюня около села Чернолучья звѣрски убиты неизвѣстными преступниками—Кубасовъ, его мать и сынъ Илья. Кубасовъ—Омскій домовладѣлецъ, вмѣстѣ съ матерью, сыномъ и дочерью, которой удалось чудомъ спастись отъ звѣрской руки преступниковъ, поѣхали въ село Чернолучье, находящееся въ 45 верстахъ отъ города Омска, къ празднику—на поклоненіе чудотворной иконѣ, привлекающей обычно къ этому времени массу паломниковъ, преимущественно изъ пригородныхъ крестьянъ и мѣстныхъ мѣщанъ. По словамъ оставшейся въ живыхъ пятнадцатилѣтней дѣвушки, часу во второмъ ночи въ двухъ—трехъ верстахъ отъ Чернолучья, они были остановлены пятью неизвѣстными людьми. Одинъ изъ преступниковъ задержалъ лошадь, а остальные окружили

экипажъ и потребовали деньги. Кубасовъ отдалъ имъ, вмѣстѣ съ кошелькомъ, три рубля; болѣе у Кубасова не было денегъ. Недовольствуясь тремя рублями, преступники приказали Кубасову снять сапоги и въ тоже время нанесли ему нѣсколько ударовъ гирькою по головѣ, а затѣмъ бросились на остальныхъ. Матери Кубасовой перерѣзали горло и ротъ кинжаломъ или ножемъ. Ильѣ также нанесли нѣсколько ударовъ по головѣ. Сильнымъ ударомъ какимъ-то тупымъ орудіемъ была выброшена изъ экипажа и пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Думая, что всѣ Кубасовы убиты, преступники стали обыскивать Кубасова—отца. Найденные часы были взяты. Заслышавъ вдали стукъ колесъ, разбойники скрылись; дѣвушка же оставшаяся въ живыхъ, спряталась въ хлѣбѣ.

10 Юня.—Вечеромъ три грабителя напали около порохового склада на крестьянина Куликовской волости, дер. Куликовой—Кузьму Панкова и его товарища. Угрожая ножами и револьверами, злоумышленники отняли у крестьянъ 51 рубль 38 к. и скрылись.

16 Юня.—Прибылъ Степной генераль

губернаторъ и командующій войсками
военнаго округа генераль-лейтенантъ На-
даровъ.

19 *Юня*. — Депутатомъ въ Государ-
ственную Думу выбрали В. И. Ишерскаго.
Ишерскій—сынъ инспектора народныхъ
училищъ, родился въ Симбирскѣ въ
1874 г. Дѣтскіе и юношескіе годы де-
путатъ провелъ въ этомъ же городѣ;
тамъ же и учился. Окончивъ въ 1893 г.
гимназію, Ишерскій поступилъ на меди-
цинскій факультетъ Казанскаго универ-
ситета. Въ срединѣ девяностыхъ годовъ,
по словамъ біографа Ишерскаго, русское
общество начало просыпаться отъ дол-
гой спячки, въ которую-де оно было по-
гружено режимомъ Императора Алек-
сандра III. Здоровая струя марксизма
освѣжила затхлую атмосферу русской
жизни и прежде всего затронула сту-
денчество. В. И. сдѣлался адептомъ но-
ваго ученія и съ кружкомъ своихъ то-
варищей, въ числѣ которыхъ былъ Аладь-
инъ, началъ пропаганду марксизма сна-
чала въ студенческихъ кругахъ, а потомъ
среди казанскихъ рабочихъ. Дѣло на-
чало налаживаться, но полиція (долой
полицію и да здравствуетъ Алексинскій

и Аладьинъ!) скоро пронюхала о существованіи кружка и въ 1896 г. Аладьинъ, нѣсколько студентовъ и рабочихъ были арестованы. Ишерскій уцѣлѣлъ. Въ 1898 г. онъ окончилъ университетъ и остался въ немъ для пополненія своего медицинскаго образованія. Осенью 1899 г. Казанскую губернію посѣтилъ голодъ, а за нимъ и тифъ. Ишерскій бросилъ университетъ и поступилъ на службу въ Тетюшское уѣздное Земство—для борьбы съ тифомъ. Служить ему, однако-же, пришлось недолго: онъ и самъ заразился тифомъ. Оправившись отъ болѣзни, Ишерскій въ мартѣ 1900 г. поступилъ на Сибирскую желѣзную дорогу. Прослужилъ онъ здѣсь, въ Омскѣ около пяти лѣтъ. Въ октябрьскіе дни Ишерскій выступилъ на митингахъ, а затѣмъ былъ арестованъ и посаженъ въ омскій острогъ, гдѣ пробылъ въ заключеніи около двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего былъ административно высланъ въ Ялуторовскъ, Тобольской губерніи. Весьма посредственный врачъ, плохой ораторъ, недостаточно усвоившій даже ученіе Маркса, которое проповѣдывалъ, Ишерскій сдѣлалъ себѣ карьеру на тюремѣ. Изъ острога попалъ онъ въ Государственную Думу и изъ

Думы опять въ острогъ. Чтобы выставить себя кандидатомъ въ члены Государственной Думы въ Россіи обязательно имѣть почетное званіе каторжника или острожника. Таковъ и нашъ омскій депутатъ. Интересенъ наказъ, данный Вл. Ив. Ишерскому, по отзыву нѣкоторыхъ мѣстныхъ обывателей, тремя его товарищами: К-вымъ, Б-новымъ и, кажется, П-вымъ отъ лица чуть ли не всего русскаго народа. „Попрежнему, говорится въ наказѣ, въ Россіи творятся ужасы; безработица охватила громадныя районы; надвигается страшный голодъ; голодаютъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, уже 222 уѣзда; ведется черносотенная агитація, и она уже привела къ практическимъ результатамъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ повторились съ полной подробностью давно знакомыя всѣмъ октябрьскія звѣрства. Здѣсь, въ Омскѣ, носятя слухи о готовящемся погромѣ, и эти слухи подтверждаются фактами: на вокзалѣ изранено черносотенцами нѣсколько сознательныхъ рабочихъ (какъ разъ случилось наоборотъ); какіе-то пьяные солдаты грозятся избить евреевъ. Казацкія нагайки, а иногда и пули попережнему царятъ надъ россійскими гражданами. На-

роду готовится новая чаша страданій. Дума безсильна что-либо сдѣлать, потому что живетъ еще виновникъ всѣхъ бѣдствій, и потому что рядомъ съ этимъ въ самой Думѣ сидятъ въ большинствѣ неистинные народные представители. Только социаль-демократы и рабочая группа поняли и трудовая группа начинаетъ понимать, что не Дума, а демократическая часть ея, связанная съ революціоннымъ народомъ, путемъ упорной борьбы приведутъ Россію къ властному учредительному собранію на четырехъ основахъ; только такимъ путемъ крестьяне добудутъ себѣ землю, рабочіе восьмичасовой рабочій день; только такимъ путемъ будетъ завоевано счастье народа... Не Дума рядомъ съ правительствомъ, а самъ властный народъ, организованный вокругъ демократической части депутатовъ Думы, осуществитъ свою волю, свои желанія; это начинаютъ понимать граждане Россіи, видя, что въ Думѣ кадетское большинство льетъ рѣчи, когда на улицахъ льется народная кровь, видящіе, что всѣ благія начинанія лучшихъ людей Думы тормозятся кадетскимъ большинствомъ.“ И эту прокламацію позволено было напечатать въ „Степномъ

Голосъ“, Корнѣева (отъ 21 іюня), и распространить въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

21 Іюня.—Тысячная толпа, въ которой смѣшались любопытные люди разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ половъ, возрастовъ, красное знамя, пѣніе революціонныхъ пѣсенъ и рѣчи... Это провожаютъ депутата Ишерскаго, вышедшаго на парадное крыльцо своей квартиры. Принявъ „наказъ“ отъ сознательныхъ „товарищей“, В. И. Ишерскій обратился съ привѣтственнымъ словомъ къ рабочимъ. Онъ выразилъ увѣренность, что рабочій російскій классъ, этотъ передовой борецъ русской революціи, цѣной своей крови вырвавшій изъ рукъ деспотизма клочекъ народныхъ правъ, не остановится въ своей борьбѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ завоевано полное народовластіе. Передъ рабочимъ классомъ стоитъ великая цѣль—соціализмъ. Онъ, Ишерскій, какъ соціаль-демократъ, видите ли, считаетъ долгомъ своей совѣсти, своихъ убѣжденій, по мѣрѣ силъ и способностей, расчищать пролетаріату дорогу къ свѣтлому царству свободнаго труда. Но пусть рабочіе помнятъ, что

сила заключается въ нихъ самихъ; пусть не складываютъ они оружія; пусть борются сами за свое освобожденіе: освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ рукъ только самихъ рабочихъ.“

Двинулись къ вокзалу желѣзной дороги. Толпа постепенно таетъ.—Болтуны! слышится чей-то голосъ. Пыль, какую знаютъ только жители гор. Омска, особенно въ сухое знойное лѣто, совершенно окутываетъ провожающихъ Ишерскаго, она забирается въ уши, въ носъ, въ глаза; нѣкоторые громко чихаютъ; нѣкоторые сморкаются. Идетъ больше молодежь. Красное знамя приняло видъ уже сѣро-грязнаго и печально болтается на древкѣ. Кто-то надтреснутымъ жидкимъ теноркомъ выводитъ „марсельезу“; ему подпѣваютъ десятка два—три нестройныхъ голосовъ. Путь „процессіи“ лежитъ „мимо солдатскихъ лагерей; солдаты высыпали изъ своихъ палатокъ. Нѣсколько чловѣкъ замахали имъ шапками и платками; звали солдатъ присоединиться къ „процессіи“ и выразить протестъ противъ стараго строя, убившаго въ солдатѣ чловѣка... Но солдаты пошли обратно въ свои палатки. Жидкій надтреснутый голосокъ зятянулъ „Похоронный маршъ“

и оборвался. Зачирикалъ воробей, каркнула ворона, и тихо-тихо стало. Но вотъ процессію догоняють двѣ женщины; одна изъ нихъ съ букетомъ совершенно пропыленныхъ цвѣтовъ, перевязанныхъ красною лентою.

— Владиміръ Ивановичъ! Владиміръ Ивановичъ! кричитъ одна изъ нихъ: примите отъ насъ въ знакъ памяти и глубочайшаго уваженія нашъ букетъ. Мы, женщины, долго страдали. Насъ не считали за людей. Мы были безправны. И теперь, когда занялась надъ русской землей заря свободы, проснулась и у насъ надежда, что свободны будемъ и мы...

— Товарищи-женщины! началъ Ишерскій: прошло то время, когда женщина была рабыней...

Далѣе „ораторъ“ ничего не могъ сказать, такъ такъ, видимо, не былъ подготовленъ къ разрѣшенію женскаго вопроса. Я видѣлъ только, какъ онъ беспомощно, на подобіе еще неоперившагося галченка, раскрывалъ ротъ: звуки не вылетали.

— Товарищи-женщины! капиталъ поставилъ васъ къ тому же станку, у котораго проливаетъ свой потъ пролетарій мужчина;

онъ уравниль васъ съ мужчиной равенствомъ безправія и эксплуатаціи...

— Да здравствуетъ свободная любовь! крикнулъ кто-то ни къ селу, ни къ городу вдругъ изъ толпы; повидимому, это былъ гимназистъ изъ пятого или шестого класса мѣстной гимназіи, шедшій безъ форменнаго платья.

Вотъ и вокзалъ. Ишерскій взобрался, какъ на трибуну, на крыльцо желѣзнодорожнаго вокзала, чтобы сказать послѣднее „прости“! Онъ, сытый и довольный, говорилъ о бѣдствіяхъ Россіи, о тяжелой борьбѣ съ народнымъ врагомъ—правительствомъ; онъ обѣщаль не опустать оружія, пока не будетъ созвано всенародное учредительное собраніе, пока вся земля не будетъ передана изголодавшемуся крестьянину, пока не будетъ завоеванъ восьмичасовой рабочій день.

— Да здравствуетъ свобода, восьмичасовой рабочій день и учредительное собраніе! закричалъ стоявшій около меня съ сизо-багровымъ носомъ какой-то оборванецъ, вынулъ изъ кармана „мерзавчика“, ловко ударилъ по дну казенной посуды и вышибъ пробку. Забулькала водка, переливаясь изъ бутылки въ горло пропойцы.—Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь

засушить? обратился онъ ко мнѣ въ совершенно серьезномъ тонѣ. Я молчалъ.

Третій звонокъ, прощальныя привѣтствія и марсельеза съ знакомымъ уже мнѣ надтреснутымъ жидкимъ теноркомъ.

Поѣздъ трогается.....

Такъ проводилъ гор. Омскъ своего депутата въ Государственную Думу.

23 *Июня*.—Интересенъ „наказъ“ отъ Сибирскаго казачьяго войска члену Государственной Думы И. П. Лаптеву. Я не знаю, къ сожалѣнію, біографіи г. Лаптева. Кто говоритъ, что онъ былъ податнымъ инспекторомъ, кто — инспекторомъ народныхъ училищъ, кто — акцизнымъ надзирателемъ или контролеромъ, кто — представителемъ, какого-то страхового общества; несомнѣнно одно, что г. Лаптевъ съ казачествомъ давно потерялъ всякую связь, сначала учился въ гимназіи, потомъ въ университетѣ, потомъ служилъ гдѣ-то внѣ предѣловъ казачьяго войска. Злые языки говорятъ, будто бы „наказъ“ составлялъ самъ себѣ Лаптевъ; по крайней мѣрѣ, когда это произведеніе появилось сегодня въ „Степномъ Голосѣ“, всѣ казаки ахнули отъ удивленія... Когда же мы давали такой

наказъ? спрашивали они другъ друга. Я подошелъ къ группѣ казаковъ, человѣкъ въ 40—50 собравшихся у станичнаго правленія. Здѣсь я встрѣтилъ Михеича, дѣльнаго, трудолюбиваго казака, лѣтъ 43-хъ, Ивана Петровича и Семена Петровича—братьевъ Зарубиныхъ, Григорья Селиванова, Петра Максимовича и нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ мнѣ станичниковъ. Молодой казакъ, лѣтъ 26-ти, читалъ „наказъ“:

— Два года, какъ родина наша, матушка—Русь, обливается кровью...

— Это правильно, замѣтилъ кто-то изъ казаковъ.

— Она стремится неудержимо къ свободѣ и счастью, разрывая тяжелыя вѣковыя узы безправія и бюрократическаго самовластія. Немало сыновъ, искренно всею душою любящихъ родину положили свою жизнь въ борьбѣ за счастье и благо народное. Немало славныхъ борцовъ за лучшее будущее дорогой родины до сихъ поръ томятся въ сырыхъ казематахъ російскихъ тюремъ, въ ссылкѣ на далекомъ холодномъ сѣверѣ и на окраинахъ Сибири...

— Это кто же такіе славные борцы? спросилъ одинъ изъ казаковъ.

— Или не знаешь? сказалъ Михеичъ, засмѣявшись себѣ въ усы: тѣ, которые съ бомбами да съ браунингами на мирныхъ жителей страхъ наводятъ, убиваютъ да грабятъ. Они, видишь ли, за насъ съ тобой стоятъ, за свободу стоятъ.

— Такъ ихъ не въ тюрьмы, значить, надо сажать, а дворцы имъ понастроить да музыку завести?

— Изъ „наказа“ такъ, будто бы, выходитъ.

— Вѣдь, благодаря имъ, этимъ мученикамъ - страдальцамъ, продолжалъ читать молодой казакъ, мы получили право свободно говорить, писать, высказывать свои нужды, о чемъ прежде и думать не могли. Въ наши дни предвыборныхъ собраній мы осуществили это право публично во всей полнотѣ. Мы изливали изъ своихъ наболѣвшихъ грудей всѣ чувства долготѣней обиды и долготѣняго униженія человѣческаго достоинства. Мы не говорили, а изъ нашихъ грудей вырывались вопли наболѣвшей и изстрадавшейся души. Насъ душили, и мы не смѣли говорить.

— Это ужъ слишкомъ! вступился Иванъ Петровичъ Зарубинъ. Кто же и когда насъ душилъ?

— Довольно! Бросьте, братцы, эту галиматью читать! слышались голоса.

— Дочитаемъ! заговорили другіе.

— Въ насъ, читаль казакъ, не признавали людей; мы были какими-то вещами; нами помыкали, какъ хотѣли, всѣ, кто даже на одинъ вершокъ стоялъ выше насъ на ступеняхъ длинной россійской административной лѣстницы. Мы истерзаны многовѣковой мѣлой и несправедливыми упреками со стороны остальной части русскаго народа. Насъ, казаковъ, за послѣднее время считали варварами, звѣрями.

— Кто же считалъ то? спросилъ Семень Петровичъ Зарубинъ. Бомбисты? Революціонеры? Они-то вотъ, по-истинѣ, звѣри!

— Хорошъ „наказъ“! пробасилъ какой-то старый казакъ съ сѣдыми повислыми усами, котораго я видѣлъ въ первый разъ.

— Но это несправедливо, говорилось дальше въ „наказѣ“. Вѣдь въ насъ течетъ такая же кровь и бьется такое же сердце, какъ и у всѣхъ русскихъ гражданъ. Мы живемъ и одинаково больно чувствуемъ всѣ невзгоды и горести, выпавшія на долю безправнаго и угне-

теннаго русскаго народа. Наступаютъ лучшія времена; мы также искренно радѣаемъ и чувства радости. Не мы виноваты, а наше начальство, по злой ироніи судьбы присвоившее себѣ право распоряжаться нами, сдѣлало насъ такими, превратило насъ во враговъ народа. Оно сдѣлало для этого все: оно лишило насъ самаго необходимаго и сильнаго фактора въ человѣческомъ обществѣ—образованія; оно довело насъ до нищеты, какъ въ духовномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи.

— Ну, казаки нищими никогда не были! вразъ заговорило большинство станичниковъ. Врать-то можно, да мѣру надо знать!

— Пользуясь нашей темнотой, оно посылало избивать нашихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, по нуждѣ впередъ насъ сознавшихъ свое бѣдственное существованіе и разрывавшихъ оковы рабства. Но, какъ говорится, нѣтъ худа безъ добра. Худо послужило намъ на пользу и на пользу родинѣ. Мы проснулись; мы узнали, въ чемъ дѣло; мы увидѣли, кто правъ, кто виноватъ. Теперь мы облекаемъ васъ, дорогой Иннокентій Павловичъ, своихъ довѣриемъ, а слѣдовательно

и довѣриемъ всего Сибирскаго казачьяго войска говорить отъ насъ правду, какъ она есть.

— Хороша же правда! вставиль Григорій Селивановъ.

— Мы посылаемъ васъ на арену политической борьбы за право и благо не только нашего казачьяго, но и всего много-страдальнаго русскаго народа. Поэтому мы считаемъ для себя нравственнымъ долгомъ просить васъ, дорогой Иннокентій Павловичъ, по прибытіи въ Государственную Думу, заявить отъ насъ представителямъ всего русскаго народа нижеслѣдующія наши пожеланія:

Всѣ заключенные за политическія преступления, религіозныя и аграрныя, должны быть освобождены изъ тюремъ и ссылокъ, какъ люди, пострадавшіе за общегосударственные интересы.

— Вотъ это ловко! заволновался Петръ Максимовичъ. Ты, братъ, укукошилъ помѣщика, сжегъ его усадьбу, пырнулъ на политической-де почвѣ въ животъ ножемъ жену или дочь своего сосѣда, и тебѣ мѣсто не въ тюрьмѣ, не въ ссылкѣ, а въ Государственной Думѣ, рядомъ съ дорогимъ Иннокентіемъ Павловичемъ.

— Отмѣнить въ Россіи смертную казнь навсегда, какъ противорѣчущую естественнымъ законамъ природы. Никто не долженъ отнимать жизнь у человѣка, потому что ее никто не въ состояніи уже дать.

— Такъ! опять вступился въ разговоръ Михеичъ. Это, значить, ежели кого бомбой—можно. Тотъ можетъ отнять жизнь не у одного, у десятка людей; у него же жизни нельзя отнять: надо посадить въ тюрьму, а изъ тюрьмы онъ бѣжитъ и снова бомба... Гдѣ же справедливость?

— Конечно, это ужасно, сказалъ Семень Петровичъ Зарубинъ, когда преступника лишаютъ жизни, но кровавыя дѣла убійць развѣ не ужасны въ свою очередь? Помните, какъ десять разбойниковъ напали на хуторъ, перевязали огромную семью, обшарили домъ и потомъ по очереди всѣхъ убили, одного за другимъ, какъ барановъ на бойнѣ? Помните, какъ въ другой семьѣ разбойники перебили не только взрослыхъ, но и дѣтей и на долю грудного ребенка досталось восемь кинжальныхъ ранъ? Помните, какъ въ третьей семьѣ разбойники не только перерѣзали всѣхъ, но и нагадили на теплые еще трупы? Помните,

какъ одинъ убійца рѣзалъ помѣщичьяго сына, а другой игралъ на гармоникѣ похоронный маршъ? Помните, какъ рѣзали подѣ звуки романса: „Пой, ласточка, пой?“ И все это, видите ли, въ цѣляхъ поддержать „освободительное движеніе“. Въ жестокое зимнее время шла какая-то баба съ ребенкомъ; негодяи обобрали ее, раздѣли до нага и привязали къ дереву; такъ съ ребенкомъ баба и замерзла. Подѣ Петербургомъ „товарищи“ встрѣтили крестьянина, обобрали его и отрѣзали ему языкъ ножницами, такъ—что онъ истекъ кровью. Я расскажу вамъ про одесскую тюрьму. Въ тюрьму поступилъ новичекъ—арестантъ, молодой деревенскій парень. Среди прежнихъ арестантовъ нашлось трое, которые заставили парня раздѣться донага, потомъ заставили плясать передъ ними. Побоями и истязаніями подвергли всевозможнымъ униженіямъ; содомили его на глазахъ всѣхъ, по-очереди потѣшались, какъ надѣ затравленной добычей. И эти мученія, и оскверненія доведеннаго до смертельнаго страха несчастнаго парня продолжались нѣсколько недѣль—открыто для арестантовъ и скрытно для начальства. Наконецъ, натѣшившись, негодяи повѣсили несчастнаго тутъ же въ

камеръ на полотенцѣ. *) Такъ вотъ за какія дѣла вѣшаютъ, а вовсе не за драку гдѣ-нибудь въ полѣ, при захватѣ помѣщичьяго сѣна. Лаптеву, это онъ самъ, надо полагать, составилъ себѣ „наказъ“, жаль, когда за десятки загубленныхъ жизней правительство беретъ у мерзавца одну, которая въ человѣческомъ смыслѣ уже не жизнь, по справедливому выраженію писателя Менъшикова, а смрадное разложеніе; но почему же ему не жаль безчисленныхъ жертвъ, зарѣзанныхъ, задушенныхъ, замученныхъ, искалѣченныхъ разбойниками прежде, чѣмъ попасть имъ на висѣлицу?

— Довольно читать „наказъ“! раздались со всѣхъ сторонъ голоса.

-- Дочитаемъ до конца, сказалъ сѣдой казакъ: по крайней мѣрѣ будемъ знать, что за птица нашъ депутатъ.

— Должно быть отмѣнено повсемѣстно въ Россіи военное положеніе, усиленные и другія охраны: намъ нужно управленіе, основанное на строгомъ и равномъ для всѣхъ законѣ, а не на нагайкахъ и штыкахъ.

* М. Менъшиковъ.

— Бываютъ нужны и нагайки! слышались голоса.

— Должны быть осуществлены въ жизни всѣ свободы, объявленные въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ манифестѣ 17 октября 1905 г. Эти свободы составляютъ естественныя и неотъемлемыя права всѣхъ россійскихъ гражданъ. Для выборовъ въ Государственную Думу и въ мѣстныя учрежденія необходимо провести въ жизнь законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, равномъ для всѣхъ гражданъ, съ тайною подачею голосовъ.

— Читали все это въ газетахъ!

— Судь долженъ быть независимымъ и равнымъ для всѣхъ.

— И это читали! Довольно!

— Довольно, такъ довольно! сказалъ молодой казакъ и сталъ рвать на клочки „наказъ“.

Въ это время къ группѣ казаковъ подходилъ средняго роста одѣтый въ партикулярное платье господинъ.

— Здравствуйте, станичники!

Здравствуйте, Иванъ Александровичъ!

— Что подѣлываете?

— „Наказъ“ изничтожили. Не стыдно Иннокентію - то Павловичу революцію разводить.

Иванъ Александровичъ, совершенно неизвѣстный мнѣ господинъ, всталъ на защиту „наказа“ и г. Лаптева, но казаки стали расходиться по домамъ.

— Кто это? спросилъ я у одного изъ нихъ.

— Какой-то адвокатъ изъ Россіи, давно околачивается около насъ—все, значить, на счетъ политики да революціи.

24 *Юня.* — Циркуляромъ временнаго генераль-губернатора „охранной полосы желѣзной дороги“ уволенъ отъ службы и выдворенъ въ 24 часа, безъ объясненія причинъ, помощникъ машиниста депо ст. Омскъ Мамоновъ.

27 *Юня.* — Почтеннѣйшій депутатъ нашъ В. И. Ишерскій прислалъ со ст. Уфа въ „Степной Голосъ“ слѣдующаго содержанія телеграмму: „Изъ Москвы отправлена М. А. Спиридонова. Ея вагонъ встрѣтилъ 26 утромъ на ст. Тавтиманово Самаро-Златоустовской желѣзной дороги.“ Не правда ли очень важная телеграмма? Съ признаніемъ своей гордости, мы можемъ на весь свѣтъ сказать: „нашъ депутатъ работаетъ!“

28 *Юня.* — Сегодня отпечатанъ въ „Степномъ Голосѣ“, Корнѣева, списокъ

лицъ, высланныхъ генераломъ Сухотинымъ изъ предѣловъ Степного края и возвращенныхъ генераломъ Надаровымъ въ прежнія мѣста жительства. У насъ, въ Россіи, всегда такъ: что одинъ сдѣлаетъ, то другой обязательно передѣлаетъ наоборотъ; отъ того то мы и стоимъ на одномъ мѣстѣ, иногда же двигаемся назадъ. Лучше ли сдѣлалъ Надаровъ? Онъ вернулъ въ край опытныхъ и сплоченныхъ руководителей социаль-демократическаго движенія и отчаянныхъ революціонеровъ. Нѣкоторыхъ лицъ, чтобы объявить имъ великую милость, розыскивали телеграммами. За одинъ разъ возвращено 55 человѣкъ. Не пришлось бы снова выдворять большинство изъ нихъ.

30 Июня.—Бду на вокзалъ. Сегодня съ № 12, въ 8 часовъ утра, долженъ прибыть вагонъ съ „политическими“ отправленными въ каторжныя работы. Всѣхъ политическихъ 6 человѣкъ: Спиридонова—знаменитость о которой телеграфировалъ Ишерскій, Езерская (за Могилевскаго губернатора), Измайловичъ (за Минскаго полицеймейстера), Биценко (за генералъ-адъютанта Сахарова), Школьникъ (за Черниговскаго губернатора) и Фіалко

(взятая со складомъ бомбъ въ Одессѣ.) Изъ нихъ Езерская осуждена на 13 лѣтъ каторжныхъ работъ, Фіалко— 10 лѣтъ; остальнымъ смертная казнь замѣнена безсрочною каторгою.

Администрація желѣзной дороги сдѣлала все возможное, чтобы помѣшать встрѣтить „страдалицъ - героинь“, какъ выразился „Степной Голосъ“ въ № 136. Вагонъ съ ними былъ отцѣпленъ какъ бы для маневровъ и потихоньку увезенъ на разъѣздъ. Тогда нѣсколько „сознательныхъ“ рабочихъ, настроенные „передовою“ интеллигенціею, заявили жандармскому начальству, что прекратятъ движеніе всѣхъ поѣздовъ, если вагонъ Спиридоновой съ ея товарищами не будетъ возвращенъ на линію и пока онѣ не скажутъ, какъ себя чувствуютъ въ дорогѣ, какъ съ ними обращаются и т. п. Этимъ требованіямъ, къ сожалѣнію, уступили: вагонъ былъ возвращенъ и встрѣченъ со стороны рабочихъ крикомъ „ура“! Затѣмъ, удивительное дѣло! всѣхъ заключенныхъ по - очереди выпускали на площадку, и Спиридонова, Биценко, Измайловичъ и Школьникъ говорили рѣчи. У Спиридоновой, какъ у всякаго убійцы, подозрительно бѣгали глаза. Вздернутый

кверху носъ, небольшой лобъ, точно убѣгающій назадъ, и оттопыренные уши придавали ей непріятный видъ; тогда уже писали въ газетахъ, что она заражена сифилисомъ. Биценко производила также непріятное впечатлѣніе: съ грубыми чертами лица, еврейскимъ горбатымъ носомъ, толстыми губами, широкоплечая, она напоминала собою, еще не вступивши въ каторгу, самаго настоящего каторжника, бѣжавшаго изъ Сибири. Этимъ особамъ только и оставалось быть убійцами. Какая нелѣпость, о которой писали наши лѣвыя газеты, что на Спиридонову позарился конвоировавшій ее офицеръ и что какой-то генераль хотѣлъ сдѣлать ее за красоту своею любовницей.

— Мы рады, что вы, товарищи, заставили вернуть насъ и дали намъ возможность поговорить съ вами!

— Ваша настойчивость въ настоящій моментъ—залогъ побѣды въ будущемъ.

— Всѣ мы вѣримъ, что вернемся къ вамъ и будемъ работать подъ однимъ знаменемъ. Какъ и всѣ вы, мы не считаемъ себя виновными: виновато то правительство, которое заставляетъ насъ и намъ подобныхъ проливать чужую кровь.

— Да здравствуетъ единеніе всѣхъ угнетенныхъ! Да здравствуетъ счастье и свобода народа!

— Видите, мы веселы! Впередъ же! На борьбу!..

Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе рѣчей Спиридоновой и другихъ ея спутницъ. Наболѣе нахально держала себя Биценко; по ея желанію, спѣтъ былъ „Похоронный маршъ“, а затѣмъ поѣздъ тронулся подъ пѣніе „Марсельезы“.

Такъ „сознательные“ проводили убійцъ, угнетателей людей, заглушившихъ въ себѣ всѣ проявленія совѣсти.

2 *Юля.*—Весьма интересна передовая статья въ Степномъ Голосѣ „по поводу проводовъ Спиридоновой. „На проводахъ Спиридоновой и ея товарищей, пишетъ газета, лицомъ къ лицу стали, уже не первый разъ въ Омскѣ, двѣ силы—правительство и народъ. Судъ нашихъ генераловъ Павловыхъ, гонимыхъ чуть ли не въ шею изъ русскаго парламента, и—судъ народный! Везли политическихъ въ безсрочную каторгу, которую дали г.г. Павловы и прочіе; народъ же, въ лицѣ наиболѣе угнетаемой части его, въ лицѣ рабочихъ, открыто и опредѣленно заявилъ,

что за политическими винами нѣтъ, что рабочіе считаютъ всѣхъ ихъ героями, борцами за интересы народа и что на каторгѣ совсѣмъ не ихъ мѣсто, а мѣсто тѣхъ, кто устраиваетъ погромы, разстрѣливаетъ безъ суда и всячески издѣвается надъ гражданами Россіи. Развѣ не издѣвательство—ссылка на каторгу политическихъ въ то время, когда народъ требуетъ полной амнистіи“ и т. д. Эта нелѣпость пишется въ газетѣ издаваемой и редактируемой *чиновникомъ особыхъ порученій при Степномъ генераль-губернаторѣ!* Возможно ли гдѣ—нибудь подобное явленіе, кромѣ Омска? Этотъ вопросъ я задаю себѣ уже не въ первый разъ.

18 *Юля.*—17 и 18 іюля желѣзнодорожные рабочіе изгнали нѣсколько лицъ, якобы провокаторовъ и шпіоновъ. Вотъ эти лица, надъ которыми произведено насиліе:

Виноградовъ—мастеръ изъ обойнаго цеха.

Волковъ—старшій сторожъ.

Франко—старшій „жестяникъ“ изъ депо.

Бабеевъ—чернорабочій изъ сборнаго цеха.

Рябковъ—тоже.

Ивановъ—токарнаго цеха.

Мелинскій—кузнечнаго цеха.

Самуйловъ—котельщикъ.

Въ шестомъ часу дня 18 іюля пять человекъ, вооруженные ножами и дубинами, штурмовали домъ желѣзнодорожнаго рабочаго Бурдина. Хозяина въ это время не было дома. Подоспѣвшій нарядъ полицейскихъ и казаковъ остановилъ безобразіе.

19 Іюля.—Жить въ городѣ становится уже слишкомъ опасно. Особенно участились случаи нападенія около завода Мариупольскаго, гдѣ даже невозможно ходить. Не проходитъ вечера, ночи, чтобы кого-нибудь не ограбили или не избили. Изъ словъ потерпѣвшаго въ ночь на 19 іюля крестьянина Уфимской губерніи Мих. Т—на видно, что хулиганы выработали оригинальный способъ расправляться съ своими жертвами: набрасываютъ на шею веревки и быстро затягиваютъ. Когда потерпѣвшій пришелъ въ сознаніе, то увидѣлъ, что онъ раздѣтъ и обокраденъ: на головѣ—рана въ вершокъ въ діаметрѣ; кость повреждена. У студента Антипенко, убитаго вблизи разѣзда, на шеѣ также найдены слѣды удавки.

Крестьянинъ Тарскаго уѣзда, Бергамакской волости, Алексѣй К—ивъ, проходя поздно ночью по Солдатскому переулку, около Баронской роши, услышалъ выстрѣлъ и почувствовалъ жженіе и боль въ колѣнкѣ. Оказалось кто-то выстрѣлилъ, и пуля попала въ ногу мирному обывателю.

20 *Юля*.—За Иртышемъ совершилось ужасное преступленіе: тремя злодѣями изнасилована дѣвушка, только-что окончившая курсъ мѣстной гимназіи въ настоящемъ году. Несчастливая, въ компаніи съ двумя подругами и пятью молодыми людьми, переѣхала за Иртышъ на паромѣ. Тамъ трое молодыхъ людей пошли по озеркамъ стрѣлять дичь, а двое остались съ дѣвушками, которыя, отойдя на небольшое разстояніе, искупались въ Иртышѣ. Когда дѣвушки вышли изъ воды и одѣлись, на нихъ набросились трое негодяевъ, предварительно пригрозивъ ихъ кавалерамъ револьверами. Дѣвушки бросились бѣжать, и двумъ изъ нихъ удалось спастись, а третью негодяи поймали и потащили въ кусты, гдѣ и издѣвались надъ ней до потери сознанія и затѣмъ скрылись неизвѣстно куда; бывшіе же

съ нею молодые люди въ это время разыскивали своихъ товарищей—охотниковъ, вмѣстѣ съ которыми потомъ и подобрали въ безчувственномъ состояніи измученную дѣвушку и повезли ее въ городъ. Виновники преступленія не разысканы. Да ищутъ ли ихъ? И принимаютъ ли вообще какія—либо мѣры, чтобы подобныя преступленія не повторялись на будущее время?

21 *Іюля*.—Вышла новая газета „Степной Піонеръ.“

22 *Іюля*.—На-дняхъ освобожденъ изъ тюрьмы, по внесеніи залога, студентъ Арефьевъ.

Ежедневно изъ Россіи съ поѣздомъ № 12 черезъ станцію Омскъ проводятъ 3—4 вагона политическихъ ссыльныхъ. Много же расплодилось этой дряни! Изъ за желѣзныхъ рѣшетокъ выглядываютъ самодовольныя, откормленныя казеннымъ хлѣбомъ лица и раздаются революціонныя пѣсни. Слѣдовало бы такое безобразіе прекратить!

23 *Іюля*.—Въ ночь на 23 іюля шайка челоуѣкъ въ двадцать совершила напа-

деніе на домъ Ильина по Береговой улицѣ, въ Казачьемъ форштадтѣ. Хулиганы бросали камнями въ окна дома, пытались сорвать двери, кричали, сыпали направо и налево площадной бранью; словомъ, буйствовали „во всю“. Полиція прибыла только черезъ часъ послѣ извѣщенія о нападеніи и никого изъ хулигановъ не задержала.

28 *Юля.* — Въ ночь на 28 іюля въ „Дѣтскомъ саду“ при рѣкѣ Оми убитъ или задушенъ служащій парохода. Трупъ замѣченъ сторожемъ при утренней уборкѣ сада. На трупъ никакихъ явныхъ признаковъ насилія не было, но онъ раздѣтъ до гола и, повидимому задушенъ.

30 *Юля.* — Въ ночь по всему городу на большинствѣ телефонныхъ и телеграфныхъ столбовъ расклеено составленное въ Выборгѣ членами Государственной Думы обращеніе къ народу.

1 *Августа.* — Забастовавшими служащими „Компаніи Зингеръ“ предъявлены слѣдующія требованія:

1. Вѣжливое и корректное обращеніе завѣдывающего.

2. Свобода дѣйствій и неувольненіе за принадлежность къ союзу торговыхъ служащихъ.

3. Удаленіе Маркова и Нерпина.

4. Уничтоженіе вечернихъ работъ—чистки и сборки машинъ для магазина.

5. Увеличеніе жалованія работающимъ въ двухъ или трехъ участкахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый участокъ оплачивался 2 р. въ недѣлю.

6. Возстановленіе вознагражденія въ прежней нормѣ по 2 р. за участокъ.

7. Отмѣна вычетовъ изъ заработанныхъ процентовъ за машины, проданныя агентами, но взятыя обратно фирмою.

8. Отмѣна денежной отвѣтственности за проданный товаръ.

9. Обязательная выдача аттестатовъ по службѣ при увольненіи и

10. Обратный приѣмъ на службу всѣхъ уволенныхъ товарищей. Если обратный приѣмъ на службу по какимъ-либо мотивамъ не состоится, то требуется:

3) уплата мѣсячнаго жалованія, по среднему расчету, независимо отъ продолжительности службы.

3 Августа.—ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по военному вѣдомству отъ 3 сего

августа, числящійся по генеральному штабу военный губернаторъ Акмолинской области генераль-лейтенантъ Романовъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Сыр-Дарьинской области. Можно только порадоваться, что этотъ совершенно бесполезный челоѣкъ оставляетъ городъ Омскъ.

12 Августа. — Въ ближайшіе дни въ гор. Омскѣ предполагается открыть дѣятельность профессиональныхъ союзовъ:

1. Портныхъ и шапочниковъ.
2. Столяровъ кустарныхъ мастерскихъ и
3. Общества рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ.

По уставамъ, уже утвержденнымъ, учрежденіе союзовъ организуется для улучшенія матеріальнаго положенія и поддержанія товарищей — безработныхъ; въ видахъ же достиженія культурно-просвѣтительныхъ цѣлей — союзы помогаютъ устройству библиотекъ, чтеній и пр. Членомъ союза счигается всякій, работающій въ мастерскихъ, но въ союзы не могутъ вступать хозяева, нанимающіе рабочихъ. Средства союзовъ составляются изъ членскихъ взносовъ, изъ процентныхъ отчисленій изъ заработка, а также изъ сборовъ съ кон-

церовъ, спектаклей и пр. Союзы управляются избирательными правленіями и общими собраніями. Дѣятельность общества рабочихъ, занятыхъ при приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ должна обнимать не только гор. Омскъ, но и желѣзнодорожную станцію „Омскъ“.

Кромѣ указанныхъ выше цѣлей, союзы будутъ производить изслѣдованіе быта, условій труда и нуждъ рабочихъ своей профессіи, а также входитъ въ соглашеніе съ хозяевами для опредѣленія заработной платы, рабочаго дня и другихъ условій труда и организовать примирительныя камеры, для разбора недоразумѣній съ хозяевами.

13 Августа—Въ „Степномъ Піонерѣ“, замѣнившемъ собою пріостановленный „Степной Голосъ“, № 20, появилась статья „Политическія бесѣды“, призывающая гражданъ *поддерживать революцію*. Корнѣевъ дѣйствуетъ смѣло. Онъ не рекомендуетъ выступать на улицу, драться на баррикадахъ, ибо съ баррикадами и ихъ героями одинъ разговоръ: „пли!“ Самое лучшее—упражненія съ бомбами. „Развѣ Спиридонову, Биденко и другихъ, спрашиваетъ г. Корнѣевъ, подъ фамиліею Лялина, считаютъ преступниками?“

18 Августа.—Ночью на станціи Омскъ найденъ трупъ кузнеца мастерскихъ Токарева. Полагаютъ, что это дѣло революціонеровъ, такъ какъ Токаревъ не хотѣлъ присоединиться къ нимъ. Это—второй случай. Недавно былъ убитъ подобнымъ же образомъ одинъ изъ станціонныхъ рабочихъ.

20 Августа.—Сегодня вечеромъ на берегу р. Оми, на косогорѣ, вблизи военнаго госпиталя и бань, избитъ и ограбленъ до нага какой-то неизвѣстный мужчина. Потерпѣвшій отправленъ въ полицію.

21 Августа.—Въ ночь на 21 августа на Баронской улицѣ, вблизи завода Рандрупа, убитъ ночной уличный караульный Безуховъ.—Утромъ 21 августа, по открытіи магазина принадлежащаго Мерину, по Дворцовой улицѣ, обнаружена кража золотыхъ и серебряныхъ вещей. По словамъ владѣльца, украдено вещей приблизительно на 11000 рублей; когда совершена кража, неизвѣстно, такъ какъ послѣ закрытія магазина въ субботу—19 августа никто магазина не осматривалъ. Воры проникли черезъ слуховое окно на чердакъ, оттуда, взрѣзавъ потолокъ, въ самый магазинъ.

23 Августа.—Въ учебныхъ заведеніяхъ настроились занятія. Учащіеся надѣли форменное платье и съ книжками въ рукахъ съ озабоченнымъ видомъ идутъ въ учебныя заведенія. Это не нравится революціонной прессѣ. „Степной Піонеръ“ началъ агитацію. Вотъ содержаніе передовой статьи № 26:

„Газеты праваго крыла и центра обращаются къ учащимся съ призывомъ о необходимости начать занятія въ учебныхъ заведеніяхъ. Обязательность такихъ занятій для молодежи мотивируется тѣмъ, что человѣкъ сначала долженъ учиться, а потомъ уже заниматься политикой. Къ этому добавляется еще то, что свободы гарантируются незыблемостью основъ 17 октября, подтвержденныхъ съ высоты престола. Аргументація и устарѣлая, и неблещущая логическою выдержанностью. Съ одной стороны, за молодежью не признается права политическихъ выступленій до окончанія образованія, а съ другой—какъ бы признается это право и доказывается только отсутствіе нужды въ учащихся, какъ активныхъ участниковъ въ политической борьбѣ. Въ результатъ и выходитъ совсѣмъ неубѣдительно, ибо одно изъ двухъ: или уча-

шіеся не должны касаться области текущей политики, и тогда они обязаны учиться при всякомъ положеніи страны, или же они въ этомъ отношеніи сливаются съ общей обывательской массой, и тогда они сами опредѣляютъ тѣ условія, при которыхъ занятія начать можно или нельзя. Но сторонники начала занятій ни на томъ, ни на другомъ рѣшеніи не останавливаются, но придерживаются того и другого понемногу, а такъ какъ второе положеніе уничтожаетъ первое, то въ результатѣ и получается нуль убѣдительности, да еще пожалуй съ минусомъ, потому что неискренность сторонниковъ занятій можетъ вызвать реакцію въ противоположную сторону. Больше того, иныхъ результатовъ воззванія и не могли дать, такъ какъ на пути ихъ стоитъ фактъ дѣйствительности участія молодежи въ политической борьбѣ и участіе въ крупной дозѣ. Поэтому, чтобы убѣдить молодежь устраниваться отъ этого участія, необходимо доказать, что оно или не нужно обществу, или бесполезно, а этого доказать нельзя. Въ политической борьбѣ всякая единица имѣетъ значеніе, хотя бы количественное. Тутъ же мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ поколѣніемъ, неразрывно свя-

заннымъ родственными и другими узами съ остальнымъ обществомъ. И практически тутъ отъ вопроса: долженъ или не долженъ?—каждый поневолѣ еще приходитъ къ вопросу: можетъ или не можетъ? Могутъ ли учащіеся спокойно заниматься въ школахъ, когда ихъ родители, братья, сестры и сами учителя находятся въ состояніи острой борьбы, гдѣ и рискуютъ жизнью или свободой? Уже одна постановка этого вопроса даетъ только одно рѣшеніе. А чтобы устранить постановку подобнаго вопроса пришлось бы рѣшить: не могутъ и не должны участвовать въ политической борьбѣ люди, занимающіеся педагогическою дѣятельностью, родители учащихся и ихъ ближайшіе родственники. Воспрещеніе для первыхъ необходимо, чтобы обезпечить наличность педагогическаго персонала, ибо какъ же учащіеся будутъ учиться, если учащіе проводятъ время на митингахъ, на демонстраціяхъ, на баррикадахъ, въ тюремѣ, ссылкѣ? и т. д... Точно также воспрещеніе вторымъ необходимо, иначе сердца и умы учащихся дѣтей будутъ тамъ, гдѣ ихъ родители, т. е. опять-таки на митингахъ, на демонстраціяхъ, баррикадахъ, въ тюремѣ, въ ссылкѣ, подъ пулями, подъ висѣлицей...

Мы лично думаемъ, что подобное изъятіе невозможно фактически, даже помимо всѣхъ политическихъ соображеній, а потому и не можемъ предложить какого бы то ни было рѣшенія вопроса. Не предлагаемъ его еще и потому, что онъ рѣшается самъ собою, именно, каждымъ учащимся или учащеюся, сообразно съ личнымъ настроеніемъ. Тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ потребности къ активному участию въ политической борьбѣ, занимаются въ школахъ и наоборотъ: тѣ, у которыхъ долгъ гражданина говорить громче, чѣмъ долгъ адепта извѣстной науки, бросаютъ книги и классы и идутъ въ ряды борющихся. И ни тѣхъ, ни другихъ нельзя переубѣдить, потому что первые на всѣ ваши доводы объ обязательности участія въ борьбѣ за свободу отвѣтятъ просто: не чувствуемъ себя достаточно подготовленными, а вторые отвѣтятъ обратно: чувствуемъ себя подготовленными, а потому и обязаны принять участіе въ борьбѣ. И что возразить этимъ послѣднимъ, когда въ борьбѣ участвуютъ и нигдѣ неучившіеся рабочіе и неграмотные крестьяне?"

25 Августа.—Урядникъ 11 участка Атаманскаго хутора, Омской станицы и уѣзда

(вокзалъ), г. Кушнарѣнко въ ночь съ 24 на 25 августа, будучи въ обходѣ, раненъ въ 2 часа ночи, злоумышленниками, производившими три выстрѣла сразу, въ локоть лѣвой руки съ раздробленіемъ кости. Требуется немедленная помощь, но ни желѣзнодорожная больница, ни омская городская больница, а также и омскій военный госпиталь не принимаютъ, а между тѣмъ пуля не извлечена изъ руки; могутъ произойти осложненія. У пострадавшаго, кромѣ жены, четверо дѣтей малъ-мала меньше; значить семья состоитъ изъ шести человѣкъ.

27 Августа.— Головорѣзы въ гор. Омскѣ ведутъ себя настолько просто, что нерѣдко приходится терпѣть отъ нихъ и городовымъ. За послѣднее время было нѣсколько случаевъ, когда городовые ватагою головорѣзовъ обезоруживались и, въ положеніи плѣнныхъ, избивались. Сегодня въ восемь часовъ вечера на Капцевичевой улицѣ, вблизи Яркова, тяжело ранены кинжаломъ два воспитанника центральной фельшерской школы—Булатниковъ и Желѣзновъ. Первому нанесена въ спину одна рана, а второму двѣ раны—тоже въ спину. Воспитанники шли изъ сада Губаря въ школу. Вблизи Яркова

ихъ остановили нѣсколько человекъ, спрашивая, къ какой партіи они принадлежатъ? Получивши отвѣтъ, что безпартійные, нападавшіе заявили, что они, какъ учащіеся, должны быть обязательно революціонерами и потребовали отъ нихъ оружія; когда же воспитанники заявили, что у нихъ не имѣется оружія, нападавшіе оглушили ихъ ударами по головѣ и нанесли имъ кинжалами раны, послѣ чего воспитанники впади въ безсознательное состояніе. Въ девять часовъ вечера Булатниковъ и Желѣзновъ привезены были въ школу и помѣщены въ лазаретъ.

3 Сентября.—Въ Омскую тюрьму пришла партія политическихъ ссыльныхъ до 80 человекъ, высылаемыхъ изъ Европейской Россіи въ отдаленныя мѣста Сибири. Партія задержана въ Омскѣ потому, что ко времени прибытія ея изъ Челябинска не явился конвой, который долженъ сопровождать партію отъ Омска.

6 Сентября.—Служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ гор. Омска предъявили хозяевамъ рядъ требованій, заключающихся въ улучшеніи экономическаго и бытового ихъ положенія, при чемъ

хозяева должны были переѣмнѣться ролями со служащими въ ихъ прѣпріятіяхъ. Хозяева не согласились стать прикащиками и со стороны послѣднихъ до удовлетворенія требованій объявлена забастовка.

8 Сентября.— Статья „Степного Пionера“ отъ 23 августа и рядъ другихъ подстрекательствъ возымѣли свое дѣйствіе на учащуюся молодежь. Заволновались воспитанники учительской семинаріи, якобы на академической почвѣ: потребовали переѣмны вновь назначеннаго преподавателя математики Соколова. Газета „Иртышъ“ статьею въ № 41, подъ заглавіемъ „Изъ исторіи Омской учительской семинаріи,“ подлила масла въ огонь. Статья эта или — вѣрнѣе — статейка начинается словами: „Однимъ изъ несчастнѣйшихъ учебныхъ заведеній гор. Омска, по составу педагоговъ, безспорно оказывается учительская семинарія“...

Въ два часа дня состоялось въ помѣщеніи Географическаго Общества учредительное собраніе профессиональнаго союза рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ сѣстныхъ припасовъ. Союзъ состоитъ изъ 53 членовъ.

На общемъ собраніи портныхъ и шапочниковъ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Щугарева, выработана программа о мѣрѣ борьбы съ пьянствомъ. Постановлено: членъ союза, замѣченный въ появленіи въ мастерскихъ въ пьяномъ видѣ и при томъ съ принесенной туда водкой, подвергается въ первый разъ выговору и порицанію со стороны товарищей, во второй штрафу въ 50 коп., третій—въ 75 коп., четвертый—въ 1 р. и по 2 р. за каждый послѣдующій разъ; штрафныя деньги должны поступать въ общія суммы союза.

Вчера забастовали наборщики и другіе рабочіе „Степного Піонера,“ и газета сегодня не вышла. Къ владѣльцу типографіи Корнѣеву предъявлены требованія объ увеличеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня.

9 Сентября.—Съ утра по городу и, главнымъ образомъ, по Любинскому проспекту разъѣжаютъ усиленные патрули изъ казаковъ.

Не вышли на работу служащіе въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Забастовка. Открыты магазины Якова Сометника, С. А. Сыромятникова, Бостан-

жогло, Злыгостева, И. Румшъ, Терехова, Я. М. Серебрякова, Московскіе ряды и ренсковый погребъ Потапова. Въ открытыхъ магазинахъ торговля производится „собственными силами“ хозяевъ подъ охраной полицейскихъ стражниковъ и околоточныхъ надзирателей. Забастовавшими служащими предъявлены экономическія требованія и между прочимъ сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ.

Встрѣтилъ сегодня знакомаго семейнаго рабочаго, -- разговорились. „Освобожденіе“, -- сказалъ рабочій, „прямо нашего брата, чернорабочаго, притѣснило до самой послѣдней крайности. Просто хоть ложись да помирай, а все одно баблство. Ну, къ чему, скажите на милость, тѣхъ самыхъ людей совершенно распускать, которые, къ примѣру, и такъ не работаютъ: стоятъ за прилавками да съмячки грызутъ и съ курхарками шурымуры раздѣлываютъ. Про молодцовъ колоніальныхъ, овощныхъ, молочныхъ, мясныхъ лавочекъ я говорю... Вѣдь, это просто оказія: ради ихняго характера лавочки запирають, какъ разъ въ то время, когда мы работу шабашимъ. Ни муки, ни табачку, ни какихъ другихъ харчей тебѣ купить негдѣ; даже масла деревяннаго и

того въ субботу для Бога нельзя купить. А кабачищи, пивнушки—всѣ на лицо открыты и щелкають окаянными пастями. Поневолѣ въ кабакъ пойдешь. Жена, стало быть, съ ребятами не жди! Съ пустыми руками домой срамно итить. Дите кричить: „папенька, молочка, хлѣбца“! А гдѣ я возьму? Жалованье только у семь часовъ получилъ, а у семь часовъ всѣ заведенія, кромѣ кабаковъ, закрыты.... Просто бѣда!

10 Сентября.—Въ два часа ночи на 10 сентября мужъ сидѣлицы въ казенной винной лавкѣ, № 16, по Больше-Ивановской улицѣ Торпановъ услышалъ какой-то подозрительный стукъ. Зажегши лампу, Торпановъ пошелъ осматривать помещеніе лавки и увидѣлъ, что болтъ у одного окна лавки вынутъ. Увидя свѣтъ въ лавкѣ, нападашіе сдѣлали выстрѣлъ во внутренній ставень окна. Оставивъ лампу въ лавкѣ, Торпановъ отправился въ свою комнату за ружьемъ. Только что онъ съ винтовкой въ рукахъ возвратился въ лавку, снаружи раздался ударъ въ ставень, очевидно, ломомъ, и ставень упалъ внутрь, потушивъ лампу. Торпановъ сталъ стрѣлять изъ винтовки; съ улицы ему

отвѣчали... Послѣ обмѣна тремя выстрѣлами съ обѣихъ сторонъ, Торпановъ услышалъ, что по улицѣ побѣжало нѣсколько человѣкъ. Нападавшіе стрѣляли, повидимому, изъ очень сильныхъ револьверовъ, такъ какъ одна изъ пуль засѣла въ деревянной полкѣ на 1 верш. Позже Торпановъ узналъ отъ ночного сторожа, что послѣдній замѣтилъ около лавки троихъ человѣкъ, показавшихся ему подозрительными, и отправился въ полицейскій участокъ заявить о замѣченномъ. Нападеніе произведено было въ отсутствіе сторожа.

Сегодня же около семи часовъ вечера вели захваченную въ загородной рошѣ, на островѣ, на противоправительственномъ митингѣ учащуюся молодежь. Незначительная партія захваченныхъ, человѣкъ тринадцать, была переписана въ пятой части гор. Омска и отпущена на свободу. Другая громадная партія, человѣкъ въ шестьдесятъ-восемьдесятъ, прослѣдовала къ зданію полицейскаго управленія, гдѣ была также переписка и отпущена на свободу. При перепискѣ арестованныхъ, въ полицейскомъ управленіи присутствовали, для удостовѣренія личности, директоръ техническаго училища Пудовкинъ и мужской гимназіи—Чудовскій!

11 Сентября. — Происходило собраніе служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. На собраніи присутствовало болѣе 500 членовъ союза и было единогласно постановлено забастовку продолжать до удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ 6 сентября хозяевамъ требованій. Сегодня же опубликовано объявленіе и. д. военного губернатора Акмолинской области Абазы: „Въ виду проявлявшейся попытки“, сказано въ объявленіи, „произвести забастовку въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ гор. Омска, напоминаю пунктъ 12 обязательнаго постановленія для населенія Акмолинской области, отъ 24 января сего года, который гласитъ: „воспрещаются всякаго рода попытки путемъ увѣщаній, настояній, угрозъ и т. п. къ нарушенію правильнаго теченія занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ, торговыхъ или промышленныхъ предпріятіяхъ“. За нарушеніе этого обязательнаго постановленія виновныя въ томъ лица, на основаніи пункта I ст. 19 прилож. къ ст. 23 т. II правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, будутъ подвергаемы мною, согласно предоставленному

мнѣ праву командующимъ войсками и пункту 2 той же статьи, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до 3-хъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 3000 р., а въ случаяхъ особенно важныхъ будутъ представлены къ выдворенію изъ области. Предупреждаю, что мною обязательное постановление это будетъ неуклонно приводиться въ исполненіе“.

14 Сентября.—Исторія съ г. Соколовымъ разгорается. Ученики семинаріи просятъ его оставить преподаваніе въ семинаріи, такъ какъ онъ не знаетъ-де своего предмета. Г. Соколовъ соглашается отказаться отъ преподаванія только по приговору третейскаго суда. Преподаваніе математики остановилось.

15 Сентября.—Въ ночь на 15 сентября ограблены: 1) казенная винная лавка № 1, по Скорбященской улицѣ,—взято 480 р.; лавка № 15, по Воздвиженской улицѣ,—взято 470 р. и не удался грабежъ лавки № 12.

18 Сентября.—У меня отмѣчено уже изнасилованіе за Иртышемъ гимназистки и ограбленіе казенныхъ винныхъ лавокъ

№№ 1 и 15; къ этому за недѣлю нужно еще прибавить: 1) избіеніе извозчиковъ у мостовой биржи, 2) неудавшееся ограбленіе извозчика у завода Рандрупа, 3) исчезновеніе трехъ извозчиковъ съ лошадьми, 4) ограбленіе дамы на базарѣ, у площади цирка, 5) пораненіе револьвернымъ выстрѣломъ въ грудь коннаго стражника на Воздвиженской улицѣ, 6) покушеніе на грабежъ дома № 7, по Надеждинской улицѣ, 7) вооруженное нападеніе на городского, отдѣлавшагося, къ счастью, только испугомъ, и 8) покушеніе на ограбленіе колбасной Фальке, по Тобольской улицѣ.

19 Сентября.—Опять въ разныхъ частяхъ города раздаются выстрѣлы, наводящіе панику на жителей.

Уже десять дней продолжается забастовка служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ гор. Омска. *) Десять дней магазины закрыты, если не считать попытку нѣкоторыхъ хозяевъ торговать собственными силами. Еще 6 сентября служащіе въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ предложили соб-

*) Почему же не примѣнялось обязат. постановленіе? (Ред.).

ранію хозяевъ, какъ говорилось выше, обсудить требованія и опредѣленно указали срокъ (8 часовъ вечера 6 сентября), въ который служащіе желаютъ получить отвѣтъ владѣльцевъ на ихъ требованіе. Явилось двадцать хозяевъ и отклонили требованіе служащихъ. 13 сентября состоялось второе собраніе хозяевъ. На собраніе, послѣ четырехдневной забастовки, явилось 51 лицо; на требованіе прикащиковъ никто не согласился. Въ приложеніи № 6 „Сибирскаго Приказчика“, издаваемого въ гор. Омскѣ, правленіе союза служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ нашего города, обратилось къ обывателямъ съ особымъ воззваніемъ, перепечатаннымъ въ № 44 „Иртыша“. Въ этомъ воззваніи служащіе пишутъ: „Несомнѣнно, наша забастовка представляетъ для гражданъ гор. Омска много неудобствъ, поэтому, можетъ быть, въ нѣкоторой части гражданъ она встрѣтитъ несочувствіе. Правленіе заявляетъ, что ни какой-нибудь капризь руководить забастовщиками, что забастовка вытекла изъ сознанія, что безъ борьбы нѣтъ возможности для приказчика обезпечить себѣ сколько-нибудь устойчивыя и чело-вѣческія условія труда и существованія.

Мы, граждане, хотимъ быть людьми, а не пѣшками своихъ хозяевъ; мы хотимъ сохранить свои силы, свое здоровье для себя; не хотимъ, чтобы разстраивались они для хозяйскихъ кармановъ. Мы хотимъ *меньше труда, больше свободы и больше денегъ*, чтобы быть не только наемными служащими, но и гражданами, живущими духовной и общественной жизнью. Къ этому направлены наши требованія и съ этими законными для всякаго желанія не хотятъ считаться наши хозяева; они отклонили наши требованія и выставили свои условія, которыя не гарантируютъ насъ отъ хозяйскаго произвола, отъ жизни наемныхъ рабовъ, и мы вынуждены борьбой взять то, чего не дано намъ добровольно“.

21 Сентября.—Полиціей найдена чугунная бомба, начиненная порохомъ. Отверстіе забито ружейнымъ патрономъ, въ которомъ пробита маленькая дырка; сверху патрона приклеена бумагой картонная трубка, очевидно для фитиля. Бомба найдена въ 7 часовъ утра на крыльцѣ дома Дыховичъ, уголъ Кукуйской и Почтовой. Кѣмъ и для чего положена тутъ бомба, не обнаружено.

Въ № 50 „Иртыша“ прочиталъ сегодня зажигательную статью. „Злоба противъ угнетателей (сирѣчь правительства), вражда и презрѣніе къ тираніи, пишетъ газета, захватили всѣ, даже наиболѣе пассивные элементы городского и деревенскаго населенія. Стихійный взрывъ народнаго гнѣва неизбеженъ, и правительство, не смотря на свои довольно смѣлые аллюры, начинаетъ колебаться“ и т. д. Спрашивается, при чемъ тутъ народъ?

30 Сентября.—Сегодня — трогательное прощаніе вышедшаго въ отставку директора Омской мужской гимназій Чудовскаго съ гимназистами. „Какъ коротка память гимназистовъ, замѣчаетъ по этому случаю газета „Иртышъ“, уже позабывшихъ прошлагодня дѣла Чудовскаго, Алекторова и Сухотина!“ Интересно знать, что это за дѣла? Вѣроятно, призывъ къ труду, къ ученью. На мѣсто Чудовскаго назначенъ директоръ народныхъ училищъ Тобольской губ. И. М. Курочкинъ.

1 Октября.—На-дняхъ прѣхалъ въ Омскъ окружной инспекторъ Поповъ,

для разбора дѣла съ Соколовымъ въ учительской семинаріи.

2 Октября.—VI классъ мужской гимназіи отказался слушать преподавателя словесности Ивченко, при чемъ ему въ вину поставлено слишкомъ аккуратное посѣщеніе уроковъ. Сегодня же было совѣщаніе о школьныхъ дѣлахъ у временнаго генераль-губернатора Акмолинской области, которымъ назначенъ командующій третьей Сибирской пѣхотной дивизіей генераль маіоръ Папенгутъ, въ присутствіи окружнаго инспектора Попова, Абазы, Лосевскаго, Шамраева, Пудовкина и Алекторова. „Директоръ учительской семинаріи г. Шамраевъ, вернувшись съ засѣданія, объявилъ, по словамъ „Иртыша“ (№ 68), воспитанникамъ семинаріи, что онъ, Шамраевъ, не потерпитъ ни малѣйшаго неподчиненія инструкціямъ учительской семинаріи, а за звуки революціонныхъ пѣсень не остановится передъ отдачею военно-полевому суду. Семинаристамъ данъ срокъ отъ 5 до 8 часовъ вечера высказать, желаютъ ли они приступитъ къ занятіямъ; неподчинившіеся требованіямъ г. Шамраева будутъ высланы этапнымъ порядкомъ

изъ Омска. Надо полагать, что газета пересолила, чтобы поднять среди учащихъ бурю противъ г. Шамраева. „Иртышъ“ возбуждаетъ учащуюся молодежь и противъ Курочкина. „Иртышъ“ не можетъ не привѣтствовать“, читаемъ мы въ этой газетѣ, „Омскую мужскую гимназію съ пріѣздомъ въ нее новаго директора Курочкина, замѣстителя Чудовскаго. Г. Курочкинъ—человѣкъ извѣстный; онъ состоялъ редакторомъ издающейся въ Тобольскѣ черносотенной газеты. Мы, читатели газеты Курочкина „Родной Голосъ“, знакомы съ ея редакторомъ, настоящимъ директоромъ Омской мужской гимназіи, г. Курочкинымъ, органъ котораго называлъ нашъ „Иртышъ“ газетой *жидовской* неизвѣстно почему; вѣроятно же всего потому, что ругаются такъ родственные „Родному Голосу“ органы Крушевана, кн. Мещерскаго, Берга, Суворина—отца и Грингмута. Г. Курочкинъ не просто педагогъ, но и „общественный дѣятель“. Въ Омскѣ найдетъ онъ друго-го „общественнаго дѣятеля“, директора народныхъ училищъ Алекторова, который дѣйствуетъ въ томъ же министерствѣ, преслѣдуя одинаковыя съ „Роднымъ Голосомъ“ цѣли. Съ пріѣздомъ

редактора „Родного Голоса“ на постъ директора гимназіи у Алекторова является „добросовѣстный“ союзникъ, и эти два „дѣятеля“, Алекторовъ и Курочкинъ, составятъ „патріотическій дуумвиратъ“, и онъ поведетъ народное образованіе по желанному пути къ желанной цѣли“.

Газета „Иртышъ“ удивляется, почему Курочкинъ назвалъ ее „жидовской“. Очень просто: здѣсь дѣйствуютъ жида К-ны

3 Октября.—Младшій чиновникъ особыхъ порученій по гидротехнической части горный инженеръ, титулярный совѣтникъ Корнѣевъ увольняется отъ должности, согласно прошенію.

Наконецъ-то! Поздно же хватился за умъ г. Надаровъ.

7 Октября.—Сегодня директоръ учительской семинаріи Шамраевъ явился въ мужскую гимназію, для опредѣленія дѣтей своихъ, и былъ встрѣченъ дружнымъ свистомъ гимназистовъ. Потомъ оказалось, что они приняли Шамраева за Курочкина, которому и была адресована спѣшно устроенная овація. Травля „Иртыша“ возымѣла, такимъ образомъ свое

дѣйствіе. Сегодня же во дворѣ мастерскихъ на станціи „Омскъ“ состоялось собраніе рабочихъ, на которомъ была вынесена слѣдующая резолюція: „послать протестъ отъ имени всѣхъ омскихъ рабочихъ противъ суда надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, выразивъ свою полную солидарность съ совѣтомъ, признавая всѣ его дѣйствія и поступки правильными и законными по отношенію всего пролетаріата.

8 Октября.—Опять по ночамъ стрѣльба на улицахъ. Въ послѣднія ночи стрѣльба слышится во всѣхъ частяхъ города. На Мокромъ около трактира Маріупольскаго по вечерамъ собираются цѣлыя шайки хулигановъ. Мимо этихъ „молодцевъ“, дѣтей нашей революціи, опасно даже проходить, потому что, на ряду съ отборной площадной бранью, слышны угрозы кого-то исколотить, убить, разнести и пр.

9 Октября.—Изъ конторы желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ ст. Омскъ въ ночь на 9 октября неизвѣстными похищено около 1500 паспортовъ рабочихъ, въ томъ числѣ пятилѣтнія и безрочныя

паспортныя книжки. Взявшіе паспорта были въ конторѣ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, очевидно, единственно съ этою цѣлью, такъ какъ имъ пришлось пройти черезъ контору начальника мастерскихъ, гдѣ находится денежный ящикъ и этотъ ящикъ совсѣмъ не тронуть.

10 Октября.—Вчера управляющій Омскою казенною палатою опубликовалъ въ подвѣдомственныхъ палатѣ учрежденіяхъ циркуляръ Совѣта Министровъ о томъ, что состоящіе на государственной службѣ чиновники не могутъ принадлежать къ противоправительственнымъ и революціоннымъ партіямъ. Сегодня „въ Иртышѣ“, гдѣ въ числѣ главныхъ руководителей состоятъ чиновники казенной палаты—В-ко и П-ковъ, спрашиваютъ: „интересно знать, гдѣ управляющій палатой найдетъ достойнаго „опытнаго“ юрисконсульта, который сумѣлъ бы въ отказѣ чиновника подчиниться распоряженію Столыпина найти составъ какого-либо преступленія? Надѣемся, что приглашеніе въ качествѣ юрисконсульта главнаго военнаго прокурора Павлова для управляющаго казенною палатою рѣшительно непосильно. Удивляемся наивно-

сти нашихъ администраторовъ, воображающихъ, что можетъ найтись хоть одинъ столь наивный чиновникъ, который отказался бы подписать простой листъ бумаги, ни къ чему рѣшительно не обязывающій“.

Не правда ли, удивительная этика?

12 Октября.—Въ ночь на 12 октября въ домѣ Гомбинской, на углу Ивановской и Тарской улицъ, совершено звѣрское преступленіе. На смерть изранены домовладѣлица Гомбинская и ея кухарка. Раны нанесены острымъ оружіемъ обѣимъ женщинамъ по головамъ. Утромъ въ безсознательномъ состояніи пострадавшія отвезены въ городскую больницу.

13 Октября.—Въ 10—11 часовъ вечера, полиціей и чинами жандармскаго управленія произведенъ обыскъ въ редакціи и типографіи газеты „Степной Піонеръ“. Сегодня узналъ, что временный генераль—губернаторъ Акмолинской области Папенгутъ перемѣщенъ въ Ковно на ту же должность.

14 Октября.—Часовъ въ 6—7 вечера полиціей и жандармскимъ управленіемъ,

въ сопровожденіи казаковъ, произведенъ обыскъ въ домахъ Соболева, на углу Губернаторской и Тобольской улицъ.

15 Октября.—Въ ночь съ 14 на 15 октября расклеена и разбросана по городу масса прокламацій соціалъ-демократической рабочей партіи, призывающей къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя.

16 Октября.—Въ 11 часовъ ночи происходила стрѣльба на углу Банной и Завьяловской улицъ. Пули попадали въ стѣны верхняго этажа квартиры, занимаемой управляющимъ контрольною палатою Заволжскимъ. Произошелъ страшный переполохъ.

17 Октября. — Конфискованъ номеръ „Степного Піонера“, въ количествѣ 847 экземпляровъ, и оставшіеся нерасосланными 1400 экземпляровъ № 1 журнала „Да будетъ свѣтъ“.

18 Октября.—На станціи „Омскъ“ открылась книжная лавка подъ названіемъ „Американскій магазинъ“. Въ этомъ магазинѣ можно встрѣтить такія изданія,

какъ „Молотъ“, „Молодая Россія“, „Колоколь“; кромѣ того, магазинъ началъ торговать, черезъ посредство разносчиковъ, по окрестностямъ вокзала, а также въ городѣ, распространяя порнографическія картинки и брошюрки.

19 Октября.—„Иртышъ“ продолжаетъ свое разрушительное дѣло. „Годовщина нашей конституціи“, читаемъ въ передовой статьѣ (№ 72)“, застала Россію въ цѣпяхъ такой реакціи, которой позавидовалъ бы Плева. Министерство народнаго просвѣщенія, давно вступившее на путь „внутренней политики“, идетъ впереди другихъ. По всей Россіи врядъ ли найдется одинъ попечитель, который не пилъ бы за процвѣтаніе жандармеріи; ни одинъ директоръ, который не дѣлалъ бы стойку на несчастные гимназическіе рубли. Наше правительство, внеся политику въ школу, наполнило ее не людьми, знающими свое учебное дѣло, а благонадежными, но неспособными преподавателями, которые, къ сожалѣнію оказываются свободными и отъ стыда. Въ минувшемъ году въ Омской учительской семинаріи, были преподаватели, невѣжество которыхъ заставило учениковъ обя-

вить бойкотъ. Пострадали ни въ чемъ неповинные семинаристы за то, что они не хотѣли тратить золотое время на уроки тѣхъ, кто ровно ничего не могъ имъ сообщить... Нынѣ въ той же семинаріи объявился новый педагогъ, также ничего не знающій въ предметъ, который онъ обязанъ преподавать семинаристамъ. Они попросили его оставить кафедру; опять изъ за невѣжественныхъ учителей семинаристовъ уволили“. Далѣе авторъ переходитъ къ гимназіи, и здѣсь все тѣ же невѣжественные преподаватели, приверженцы „буржуазнаго строя“. Статья заканчивается слѣдующими строками: „Пора выступить на защиту школы обществу и указать прислужникамъ политической полиціи и бездарнымъ учителямъ, чтобы они оставили школу и занялись своимъ настоящимъ дѣломъ. Стыдно за отцовъ, покорно сносящихъ насиліе надъ дѣтьми. Когда же вы, родители, проявите достоинство человека“?

20 Октября.—Въ „Иртышѣ“ продолжается (№ 73) травля учебнаго персонала,—возбуждаются гимназисты и гимназистки.

21 Октября. — Бывшимъ завѣдывающимъ типографіею „Степного Пionера“ выпущенъ анонсъ: „Завтра выйдетъ первый номеръ ежедневной „Степной газеты“. Редакторъ издатель А. И. Корнѣевъ“.

На ст. „Омскъ“ въ вагонахъ IV класса, стоящихъ въ тупикѣ, противъ багажного склада, помѣщается охранный отрядъ, состоящій изъ двухъ ротъ солдатъ Семипалатинскаго полка; кромѣ того, близъ шестого участка находится прибывшій на дняхъ карательный поѣздъ, снабженный пулеметами.

„Иртышъ“ въ очень просторной передовой статьѣ (№ 74) оправдываетъ всѣ безобразія, учиненныя въ школахъ подъ именемъ осуществленія освободительныхъ идей. Эти безобразія, по мнѣнію газеты, вносятся въ школу тѣмъ неудержимымъ потокомъ, который мощно захватилъ собою всѣ стороны русской жизни. Для всякаго мало-мальски безпристрастнаго человѣка должно быть понятно что учащійся не можетъ не передать школѣ того, чѣмъ живетъ онъ дома. Онъ слышитъ разговоры своихъ родныхъ; онъ читаетъ газеты, получаемыя ими; онъ ежедневно, получаетъ впечатлѣнія, на-

страивающія его на оппозиціонный ладъ и непосредственно пересаживаетъ ихъ въ свою школьную жизнь, стараясь внести въ нее тѣ коррективы, которыхъ требуетъ для себя общество“.

И вдругъ „невѣжественные педагоги“ становятся на пути такимъ „благороднымъ“ стремленіямъ...

23 Октября.—Утромъ около двора лѣсопильнаго завода Хаберева обнаруженъ трупъ молодого киргиза съ признаками насильственной смерти: нанесены побои какимъ-то тупымъ орудіемъ; на шеѣ ремень—удавка. Новый форштадтъ въ осадномъ положеніи: не проходитъ ни одной ночи, чтобы воры не совершили своихъ походовъ въ этой злополучной части города. Бывали случаи воровства даже среди бѣлаго дня. Кстати нужно замѣтить, что на весь форштадтъ нѣтъ ни одного фонаря, такъ что ночью улицы погружаются въ ту всеобщую тьму, которая описана въ Библии въ исторіи о сотвореніи міра.

26 Октября.—Въ ночь на 26 октября, когда нѣсколько казачьихъ музыкантовъ, возвращаясь изъ общественнаго собра-

нія, проходили по казачьей площади мимо сквера, слышали какіе-то сдавленные крики. Крики раздавались со стороны сквера. Желая обследовать, въ чемъ дѣло, музыканты повернули къ скверу, и когда вошли въ глубь сада, то глазамъ ихъ представилась такого рода картина. На дорожкѣ стоитъ чело-вѣкъ въ формѣ военнаго генерала; возлѣ него по бокамъ два солдата, пытающихся сорвать съ генерала одѣтую на немъ енотовую шубу, а чтобы онъ не кричалъ, одинъ изъ нихъ зажималъ по временамъ генералу ротъ. При видѣ появившихся людей, грабители разбѣжались; генераль же въ сопровожденіи казачьихъ музыкантовъ благополучно дошелъ до дома.

Сегодня же, въ 11 часовъ дня, во время большой перемѣны въ зданіи Омской центральной фельдшерской школы двумя револьверными выстрѣлами убитъ наповаль директоръ школы Б. М. Мариупольскій. Это—первая жертва травли мѣстныхъ газетъ учебнаго начальства въ теченіе цѣлаго года. Мариупольскому, наряду съ другими директорами учебныхъ заведеній, доставалось не мало: вмѣсто того, чтобы способствовать освободительному движенію путемъ поддерж-

ки школьныхъ безпорядковъ онъ, видите ли, призывалъ учащихся къ порядку и занятіямъ, неукротимыхъ же освободителей выдворялъ изъ школы. На произведенные въ Мариупольскаго выстрѣлы немедленно прибѣжали нѣкоторые изъ воспитанниковъ школы и помощникъ директора Фамилиантъ и въ безчувственномъ состояніи отвезли Мариупольскаго въ городскую больницу, гдѣ врачами больницы Сосуновымъ и Фамилиантомъ констатированъ былъ фактъ его смерти. Изъ разспросовъ лицъ, привезшихъ въ больницу убитаго, удалось установить нѣкоторыя подробности убійства, а именно: трупъ убитаго былъ найденъ въ узкомъ корридорѣ, ведущемъ во дворъ школы къ квартирѣ директора, револьверъ же системы „бульдогъ“ найденъ во дворѣ школы. На убитомъ, при осмотрѣ врачами, найдено двѣ пулевыхъ раны: одна идетъ въ полость сердца, а другая—въ животъ.

28 Октября.—По подозрѣнію въ убійствѣ Мариупольскаго арестованъ и содержится въ тюрьмѣ бывший ученикъ фельдшерской школы Стручковъ, 20 лѣтъ. Онъ нѣсколько разъ являлся къ

Мариупольскому съ просьбою принять его обратно въ школу, но за недостаткомъ мѣста не былъ принятъ; обращался въ другія школы, но также безуспѣшно. Это, повидимому, и послужило поводомъ къ его аресту; говорятъ также, что видѣли у него револьверъ, похожій на тотъ, который послужилъ орудіемъ убійства. Самъ Стручковъ отрицаетъ свою причастность къ убійству.

29 Октября.—Арестованъ акцизный чиновникъ К. Дочери его предъявлено обвиненіе въ храненіи типографскаго станка и шрифта.—Дѣло передано въ руки судебной власти.

30 Октября.—Кромѣ арестованнаго уже бывшаго воспитанника фельдшерской школы Стручкова, по подозрѣнію въ убійствѣ Мариупольскаго, арестованъ еще воспитанникъ централистъ Новохацкій. Послѣдній арестованъ потому, что считался пріателемъ Стручкова и, кромѣ того, ихъ незадолго до убійства видѣли вмѣстѣ.

8 Ноября.—Въ газетѣ „Иртышъ“ читалъ замѣтку слѣдующаго содержанія:

„Отъ редактора издателя и сотрудниковъ „Степной Газеты“ (переименованной изъ „Степного Піонера“) Корнѣевыхъ (мужъ и жена) и А. Бурдина отобрана подписка въ томъ, что они въ три дня выѣдутъ за предѣлы Акмолинской области, не ближе Уфимской губерніи; въ противномъ же случаѣ, будутъ отправлены этапомъ въ Архангельскую губернію“.

Давно бы пора!

14 Ноября.—По постановленію степного генераль-губернатора, приостановлена газета „Иртышъ“; вмѣсто нея, какъ сказано въ заявленіи редакціи, будетъ выходить при томъ же составѣ сотрудниковъ, газета „Омичъ“.

19 Ноября.—Въ 8 часовъ утра изъ Омскаго полицейскаго управленія скрылся подозрѣваемый въ убійствѣ Мариупольскаго Стручковъ. Канули концы въ воду.

Приѣхалъ новый губернаторъ Акмолинской области Литвиновъ.

20 Ноября.—Въ 12 часовъ ночи на 20 ноября на возвращавшагося изъ театра воспитанника центральной фельдшерской

школы Семена Карпачева неизвестными лицами произведено нападеніе. Ударомъ кинжала разорваны плащъ и блуза, но ранъ не нанесено.

22 *Ноября.*—Генераль Литвиновъ вступилъ въ управленіе областью.

1 *Декабря.*—Въ ночь на 1 декабря совершено покушеніе на кражу въ домъ Гусева, по Костельной улицѣ. Злоумышленники, поломавъ затворы конюшни, вывели оттуда лошадь и стали запрягать ее въ стоящую тутъ же телѣжку; но шумъ во дворѣ привлекъ вниманіе прислуги Гусева, которая подняла тревогу, и воры скрылись.

Въ ту же ночь сдѣлано покушеніе ограбить лавку Миляева, по Атаманской улицѣ, и лавку Савина, по Томской ул.

3 *Декабря.*—Вышла газета „Омскій Листокъ“.

4 *Декабря.*—Близъ военнаго лагеря, въ степи, найденъ трупъ убитаго мальчика. Убитый—сынъ „пивника“, который ночью наканунѣ 4 декабря пріѣхалъ домой, оставилъ лошадь около своей квартиры и

поручилъ ее покарать одиннадцатилѣтнему сыну. Спустя немного времени „пивникъ“ вышелъ посмотреть на лошадь, но ни лошади, ни мальчика не оказалось. Утромъ лошадь прибѣжала домой, но безъ мальчика. Въ санкахъ оказался окровавленный молотокъ, которымъ, очевидно, совершено убійство.

7 Декабря.—Унтеръ-офицеръ 32 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Анисимъ Савчугъ, заподозривъ въ преступной агитаціи прибывшаго въ его взводъ осужденнаго за возмущеніе въ дисциплинарный баталіонъ бывшаго матроса Ивана Чибисова, учредилъ за нимъ тщательный надзоръ. Благодаря принятымъ имъ и стрѣлками того же полка Терентіемъ Варфоломѣевымъ и Михаиломъ Забавинымъ мѣрамъ, удалось задержать въ помѣщеніи роты съ поличнымъ, какъ Ивана Чибисова, такъ и одного штатскаго агитатора; остальные два штатскихъ агитатора были задержаны жандармскимъ унтеръ-офицеромъ на слѣдующій день. Какъ у бывшаго матроса Чибисова, такъ и у штатскихъ агитаторовъ, при задержаніи, отобраны пачки революціонныхъ прокламацій. Сообщая объ

етомъ въ приказѣ по войскамъ Омскаго военнаго округа, за командующаго войсками округа генераль-лейтенантъ Одинцовъ отмѣтилъ, что примѣрное исполненіе долга офицерами и нижними чинами 32 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка привело къ арестованію многихъ агитаторовъ и распространителей революціонныхъ прокламацій.

12 Декабря.—Въ 7 часовъ вечера опечатана газета „Омичъ“.

15 Декабря.—Днемъ, въ 12 часовъ, у областного правленія, звѣрски убитъ Акмолинскій военный губернаторъ Литвиновъ; убиты еще казакъ, одинъ нижній полицейскій чинъ и приказчикъ магазина Сометникъ, пытавшіеся задержать преступниковъ, которыхъ, по однимъ рассказамъ, было двое, а по другимъ—трое. Пули были отравленныя. Администрація и полиція не очень то усердно разыскивали преступниковъ. Такъ и кануло дѣло въ вѣчность. Убийство Литвинова, какъ и Маріупольскаго, также подготовила печать, сообщая о немъ совершенно извращенныя свѣдѣнія. Въ № 47 „Иртыша“ еще отъ 17 сентября 1906 г. были напе-

чатаны слѣдующія строки: „22 августа въ село Когуты прибылъ генераль Литвиновъ съ четырьмя пушками, сотней казаковъ и ротой солдатъ, созвалъ сходъ и предложилъ крестьянамъ выдать революціонный комитетъ. Крестьяне не согласились. Тогда даны были два выстрѣла изъ орудій черезъ село. Въ селѣ поднялось нѣчто ужасное. Дѣти, женщины, съ плачемъ и крикомъ стали убѣгать въ поле. Когда это увидѣли артиллеристы, то шесть изъ нихъ вышли и заявили, что стрѣлять не будутъ. Ихъ тотчасъ же арестовали. Затѣмъ начали стрѣлять изъ орудій въ село. Сообщаютъ, закончила газета свою замѣтку, что село Когуты разрушено и горитъ. Столичныя газеты призывали на голову Литвинова всѣ грома небесныя и кары земныя. Гдѣ же спастись при такой травлѣ? Но найти преступниковъ все-таки было можно, если бы генераль-губернаторъ Надаровъ послыньѣ приналегъ на полицію. За ложь, за грязную клевету, за подлую змѣиную ненависть у насъ ни одной газеты даже не оштрафовали. Наша администрація совсѣмъ забыла пословицу: „не бей мужика дубьемъ, бей его рублемъ“. Всякій разумный человѣкъ такой мѣръ былъ

бы очень радъ. Вѣдь, смута въ Россіи преимущественно газетная; газетами она держится, газетами подпирается, газетами раздувается. Чего мы не читаемъ въ газетахъ. Читаемъ, что въ тюрьмахъ истязаютъ „товарищей“, что градоначальники учатся стрѣлять въ цѣль на живыхъ рабочихъ, что бомбисты посланы къ намъ, какъ ангелы съ неба, будить сознание буржуевъ и т. п. Давно слѣдовало бы наложить на омскую печать настоящую узду.

7 Января 1907 г.—Утромъ около Алчадаевской бани поднять трупъ неизвѣстнаго человѣка, съ признаками насильственной смерти; верхнее платье съ убитаго снято. Сегодня же въ 11 часовъ вечера убитъ наповаль двумя выстрѣлами изъ револьвера возвращавшійся со службы машинистъ Сибирской желѣзной дороги Левинъ. Убійство произошло у калитки квартиры Левина.

22 Января.—28 человѣкъ, обвиняемыхъ въ томъ, что въ ноябрѣ 1906 г. приняли участіе въ сообществѣ: „Омскій Комитетъ Сибирскаго Союза социаль-демократической рабочей партіи“, завѣдомо поста-

вившемъ своею цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи общественнаго строя приказомъ по Степному генераль-губернаторству, отъ 22 января за № 14, преданы Омскому военному суду.

28 Января.—Между солдатами Сибирскаго воздухоплавательнаго парка, шедшими по Госпитальной улицѣ, произошла ссора, во время которой солдатъ Юдинъ ударилъ въ грудь штыкомъ Балина и Коршукова. Ударъ, нанесенный Балину, былъ настолько силенъ, что онъ вскорѣ умеръ. Коршукову рана нанесенная въ спину и тоже довольно серьезная. Юдинъ скрылся.

Четыре уголовныхъ арестанта городской тюрьмы, будучи въ секретной камерѣ, подпилили 28 января рѣшетку окна съ цѣлью побѣга. Изъ камеры имъ удалось убѣжать, но когда они хотѣли перелѣзть черезъ стѣну, ихъ замѣтилъ надзиратель и далъ по нимъ два выстрѣла, чѣмъ и остановилъ побѣгъ.

29 Января.—Въ ночь съ 28 на 29 января на Атаманскомъ хуторѣ поднятъ полиціей трупъ, еще теплый; лицо страшно обезображено, такъ что убитаго

невозможно узнать. Одежда и деньги не взяты. Трупъ положенъ въ мертвецкую при станичномъ правленіи на Атаманскомъ хуторѣ.

30 Января.—Здѣсь же появились хулиганы, вымогающіе, въ отсутствіе рабочихъ, деньги у ихъ семействъ. Вымогательства свои они мотивируютъ тѣмъ, что остались безъ средствъ послѣ сокращенія штата въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ; въ дѣйствительности же это не рабочіе, а обыкновенные хулиганы.

2 Февраля.—Изъ городской тюрьмы бѣжали два уголовныхъ арестанта—Ивановъ и Ткаченко. Оба считаются очень важными преступниками. Здѣсь же политическіе арестанты предъявили прокурорскому надзору слѣдующія требованія:

1. Вѣжливое обращеніе администраціи.
2. Личное свиданіе въ тепломъ помѣщеніи.

3. Открывать камеры послѣ провѣрки и убирать параша изъ камеръ.

4. Немедленно назначить комиссію для обслѣдованія здоровья товарища Бутова на предметъ освобожденія его изъ тюрьмы.

Срокъ отвѣта—3 февраля.

4 Феврала.— Отвѣта не послѣдовало. Съ утра политическіе, въ количествѣ 42 человекъ, начали голодовку.

Пусть ихъ голодають!

Въ „Степномъ Голосѣ“ появилась статья, подъ заглавіемъ: „Положеніе содержащихся въ тюрьмѣ политическихъ заключенныхъ становится все хуже и хуже“... Въ статьѣ поддерживаются вышеприведенныя требованія „политическихъ“.

Въ 8 часовъ вечера на г. Ш., возвращавшагося домой было совершено нападеніе. Двое грабителей бросились на Ш. съ разныхъ сторонъ около костела. Одинъ схватилъ Ш. за горло, другой пытался снять шубу. Произошла борьба, кончившаяся для Ш. благополучно: ему удалось вырваться изъ рукъ грабителей и бѣжать; грабителямъ же досталась папаха, цѣною въ 6 рублей, и кусокъ воротника отъ шубы.

5 Феврала.— Во дворъ Гутермахера, живущаго по Томской улицѣ, въ ночь на 3 февраля забрались воры въ числѣ около 10 человекъ, сломали замки у конюшни и завозни и начали укладывать разный товаръ, предварительно заперевъ сторожа въ корридоръ и перерѣзавъ проволоку звонка. Гутермахеръ далъ знать по телефону

во 2 полицейскую часть. Воры намѣревались уже ѣхать со двора, какъ подошелъ нарядъ полиціи. Злоумыленники бѣжали черезъ ограду. По убѣгавшимъ полиціею данъ былъ залпъ изъ револьверовъ, но они благополучно скрылись.

6 Февраля.—Генераль-губернаторомъ издано, полицейскимъ управленіемъ и всѣми полицейскими участками вывѣшено слѣдующее обязательное постановленіе для населенія Степного Края:

„Содержателямъ гостинницъ, мебелированныхъ комнатъ и постоялыхъ дворовъ, домовладѣльцамъ и ихъ управляющимъ и всѣмъ лицамъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры вмѣняется въ обязанность немедленно извѣщать полицію: а) о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ ихъ домахъ и квартирахъ, объ устройствѣ подозрительныхъ складовъ, особенно складовъ оружія или взрывчатыхъ веществъ, тайныхъ типографій и вообще о всѣхъ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ жильцовъ и б) о всѣхъ прибывающихъ въ домъ или квартиру и выбывающихъ, причемъ виды на жительство прибывающихъ представлять немедленно и въ тотъ же день“.

8 Февраля.—Въ 12 часовъ ночи на 8 февраля на углу Старомогильной и Не-

проѣзжей улицъ на возвращавшагося съ засѣданія правленія кассира профессиональнаго союза портныхъ и шапочниковъ Копыловскаго напали двое неизвѣстныхъ съ револьверами въ рукахъ и отобрали карманные часы съ цѣпочкой и 13 руб. денегъ. Ограбленіе совершено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры Копыловскаго.

Утромъ 8 февраля рабочіе депо на ст. „Омскъ“ предъявили слѣдующія требованія:

1. Выдаваемая ранѣе деньги мобилизованнымъ рабочимъ причислить къ окладу жалованія, согласно съ распоряженіемъ начальника Сибирской желѣзной дороги.

2. Возобновить практиковавшуюся въ прежніе годы періодическую прибавку жалованія два раза въ годъ и

3. Принять обратно уволенныхъ рабочихъ.

На это требованіе начальникъ депо отвѣтилъ отказомъ. Рабочіе объявили забастовку и включили новыя требованія:

1. Не вычитать жалованья за все время забастовки.

2. Никого изъ рабочихъ за забастовку не увольнять и

3. Не становиться на работу до удовлетворенія предъявленныхъ требованій.

Къ бастующимъ присоединились служащіе передвижного состава. Товарное движеніе пріостановилось.

9 Февраля.—Начальникомъ депо вывѣщено объявленіе, извѣщающее рабочихъ, что если они 10 февраля не выйдутъ на работу, будутъ всѣ уволены и приниматься обратно будутъ только по усмотрѣнію—начальства.

12 Февраля.—Забастовали рабочіе омскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, присоединившись къ требованіямъ, заявленнымъ рабочими депо и служащими передвижного состава.

13 Февраля.—9 февраля въ казначейство явился молодой человѣкъ и предъявилъ пакетъ; такъ какъ пакетъ былъ безъ разносной книги, то принять его въ казначействѣ отказались. Тоже самое повторилось и 10 числа, при чемъ молодой человѣкъ обѣщалъ явиться 12 февраля;

однако, въ назначенный день онъ не явился, а пришелъ сегодня, т. е. 13 февраля, и предъявилъ уже разносную книгу. Пакетъ оказался изъ Омской духовной консисторіи, которая официальной, за № и печатью, бумагой просила пода-телю вручить денежный ящикъ. Казначей, заподозривъ экспроприацію, предложилъ молодому человѣку взять провожатаго до консисторіи, для каковой цѣли и откомандировалъ вооруженнаго присяжнаго, который, взявъ ящикъ, отправился въ консисторію. Здѣсь молодой человѣкъ подъ благвиднымъ предлогомъ успѣлъ благополучно скрыться, а ящикъ, пришлось унести обратно въ казначейство, такъ какъ вся эта исторія оказалась мошеннической. Въ ящикѣ, говорятъ, было около 140000 рублей.

14 Февраля.—Въ ночь на 14 февраля на мѣщанина Николаева, проходившаго по Бригадной улицѣ, напали двое неизвѣстныхъ, одинъ изъ которыхъ схватилъ Николаева за горло и началъ душить, а другой стащилъ съ него ватное пальто, резиновыя галоши и папаху и вытащилъ изъ кармановъ брюкъ и пиджака кошелекъ съ деньгами около 10 р. и паспортъ.

ную книжку, послѣ чего оба грабителя скрылись.

Около 3 часовъ произведенъ обыскъ въ типографіи газеты „Иртышъ“. Думали захватить прокламаціи, но ничего подозрительнаго не нашли.

Въ эту же ночь на чиновника Плюхина, ѣхавшаго по Чернавинскому взвозу, напалъ, какъ оказалось впослѣдствіи, парикмахеръ городского театра Ивановъ, схвативъ его сзади и пытался стащить съ санокъ. Полицейскій нарядъ арестовалъ Иванова.

15 Февраля.—Около 10 часовъ вечера къ торговцу Д. Аркуль, стоявшему у своей лавки, по Томской улицѣ, подошелъ неизвѣстный и сильнымъ ударомъ кинжала или ножа нанесъ ему большую рану въ шею. Аркуль упалъ и закричалъ о помощи. Нападавшій скрылся.

17 Февраля.—Около 7 часовъ вечера убитъ на р. Оми противъ Вѣсовой улицы крестьянинъ Слюнинъ, 23 лѣтъ, возвращавшійся съ братомъ своимъ домой съ казеннаго парохода „Константинъ“ на Баронскую улицу. Ихъ догнали на извозчикѣ двое неизвѣстныхъ, одинъ изъ ко-

торыхъ, выскочивъ изъ экипажа, закричалъ: „сворачивай дальше!“ и ударилъ Слюнина кинжаломъ въ лѣвый бокъ противъ сердца. Смерть послѣдовала моментально. Неизвѣстные не обнаружены.

21 Февраля.—Въ часъ дня на крестьянина Сѣдышова напали около кладбища, за городомъ, двое грабителей, сняли шубу, сапоги и брюки. Одинъ изъ нападавшихъ задержанъ и оказался омскимъ мѣщаниномъ Берестовымъ, состоявшимъ членомъ революціоннаго комитета.

27 Февраля.—Вотъ уже два года веду я свой дневникъ. Ничего свѣтлаго, отраднago въ душѣ моей не оставляютъ происходящія событія. Газеты опошлись и совершенно изолгались. Понизились нравственныя понятія; усилилось хулиганство; люди озвѣрѣли; жизнь человѣческая потеряла всякую цѣнность; достаточно имѣть 50—60 коп., чтобы быть зарѣзаннымъ или задушеннымъ.

А кругомъ, по темнымъ угламъ и закоулкамъ, ползаютъ змѣи и копошатся въ логовищахъ своихъ разные гады. Отвратительны и страшны жилища ихъ, наполненныя злымъ шипѣніемъ и нена-

вистью ко всѣму окружающему. По временамъ гады выползаютъ изъ подземелій своихъ, забираются въ школы, частныя и общественныя учрежденія, въ казармы, въ магазины и лавки всюду разливаютъ свою отраву.

Обыватель.

